

The background of the cover is a close-up photograph of a woman with long, wavy brown hair, her face tilted back and eyes closed. She has red lipstick and is wearing a dark, textured garment. A hand with red nail polish and a large, ornate silver ring is visible, moving a black chess piece on a wooden chessboard. The chessboard has numbers 3, 4, 5, 6, 7, 8 along its edges. A heart-shaped pendant on a chain is also visible.

18+

ЛИННА

*50 и один шаг
— ближе —*

МУР

*Роман-наслаждение
от автора нашумевших бестселлеров Рунета!*

Неправильная любовь

Лина Мур

50 и один шаг ближе

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мур Л.

50 и один шаг ближе / Л. Мур — «АСТ», 2018 — (Неправильная любовь)

ISBN 978-5-17-106787-8

Порой делать шаг навстречу бывает больно и до безумия страшно. Порой решиться на что-то важное сложно, но так необходимо. Этот мужчина притягивает с невероятной силой. Туманит разум, оставляя после себя мягкое послевкусие горького шоколада. Но жажда окунуться полностью в нечто новое не дает остановиться. Главное – не оглядываться. Идти. Слепо. На голос. По стуку сердца. Ближе... еще ближе к нему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106787-8

© Мур Л., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Первый шаг	6
Второй шаг	9
Третий шаг	16
Четвертый шаг	22
Пятый шаг	27
Шестой шаг	33
Седьмой шаг	40
Восьмой шаг	49
Девятый шаг	57
Десятый шаг	62
Одиннадцатый шаг	67
Двенадцатый шаг	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Лина Мур

50 и один шаг ближе

© Л. Мур, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Первый шаг

Темный кинозал «Синелекс Синема» в Торонто, где проходила премьера фильма по нашумевшей книге «Пятьдесят оттенков серого», трещал от накаленной обстановки и ожидания обещанных жарких сцен. Тихие перешептывания превратились в гул, и все внимание было приковано к экрану. Хотя некоторые из зрителей попали сюда по чистой случайности, а точнее по настоящему требованию друзей составить компанию. Таких набралось немало. К числу этих «счастливчиков» принадлежала и Мишель, сидящая в центральном ряду. Ей было намного интереснее наблюдать за парочками, которые окружали ее, чем за действием на экране. Она откровенно скучала, поглядывая на часы и комментируя картинку на экране.

- Теперь ты займешься со мной любовью?
- Запомни. Первое: я не занимаюсь любовью. Я трахаюсь... жестко.
- А второе?

– Я все же стану геем, – фыркнула она довольно громко, и вокруг раздались одобрительные смешки таких же «залетных птиц», как и она. Мишель усмехнулась, забросив в рот попкорн.

- Идем, – Кристиан Грей предложил руку Анастейше.

Зрители, сидящие рядом с темноволосой шутницей, ожидали новую реплику, и она не заставила себя ждать. Мишель редко удавалось держать язык за зубами, и это был ее единственный порок. Так она думала.

– Идем, я покажу тебе, где выход. Сейчас засну от скуки. – Она попыталась симитировать голос главного героя, но получилось ужасно комично, и ребята рассмеялись громче. Мишель присоединилась к ним, вальяжно закидывая ногу на ногу.

Но мало кто был рад такому внедрению в ход картины, и тут же отовсюду на Мишель зашикали и раздались возгласы возмущения. Закатив глаза, она решила не мешать кинолюбителям наслаждаться картиной, хотя это было крайне сложно. Мишель так и распирало от желания произнести очередную едкую фразу, но едва она открыла рот, как ее в бок ткнула рыжеволосая подруга:

- Угомонись уже, Миша!
- Большинству понравилось. – Она равнодушно пожала плечами, кивнув в сторону девушек, оценивших ее комментарии.
- Займись делом – ложись спать, но рот закрой. Ты мне мешаешь, – шикнула на нее Сара, подставив плечо.

– Ну уж нет, детка, теперь мне стало крайне любопытно. – Мишель скептически выгнула бровь, села поудобнее и замерла в предвкушении.

Остальную часть фильма она честно пыталась не заснуть, зевая и развлекая себя комментариями реплик главных героев, их внешности, неправдоподобности сюжета и вслух обдумывая планы на лето, до которого было еще так далеко. Под конец фильма многие уже рыдали от смеха, а другие ругались и пытались выставить вон «нарушительницу порядка». К их числу принадлежала и Сара, лучшая подруга. Если бы в Торонто за насилие не сажали, то жестяная банка из-под газировки давно была бы уже у Мишель в горле.

– Наконец-то мучения окончились. – На финальных титрах Мишель поднялась, поправляя темные волосы, собранные в хвост. – Моя задница стала плоской. – Размявшись, она собрала ведра из-под попкорна и пустые бутылки из-под пепси.

– Прекрати! Это было великолепно, надо будет еще раз сходить, – сказала Сара, забирая у нее мусор.

– Только через мой труп и после сорока дней, иначе восстану и трахну тебя. Жестко, – повторила Мишель голосом Кристиана Грея, и Сара рассмеялась.

– Но Дорнан горяч, детка, я от такого не отказалась бы, – бросила рыжая, идя за подругой к выходу.

– Сара, я опущу комментарии по поводу внешности главных героев. Это не этично, – усмехнулась Мишель, протискиваясь сквозь толпу. – Но никогда и ни за какие деньги я не согласилась бы быть на месте героини. Я бы ему показала красноречивый средний палец и послала в известную темную прогулку. Это было гадко и низко. Его возбуждают закушенная губа, потные ноги, мешки под глазами и явно нездоровая любовь к фразе: «Я не романтик». Не говоря уже его садизме, маниакальном желании причинить боль и возрадоваться. Но серая мышка влюбилась в это чудовище и терпела от него все ради невозможной сказки. А он ведь унижал ее морально и пытался сломать ее личность. Даже в таких отношениях должно быть как минимум уважение. Это насилие над человеком, которое преподносят как любовь. В итоге этот фильм привел меня к такому умозаключению: любовь – самое гадкое и низменное чувство, которое я ненавижу. Лучше бы пошли на вечеринку к Лютеру.

– Не ной, актриса без работы. Еще успеем, – рассмеялась Сара, заметив блеск в темных глазах подруги.

Мишель ухватила за эту мысль и достала из сумки мобильный, чтобы узнать, который час.

– Боже, ты наградил меня за муки, которые я вытерпела! – Довольная, она написала друзьям, что скоро в их компании будет прибавление, и спрятала «BlackBerry» в задний карман джинсов.

Толпа двигалась к выходу слишком медленно, и Мишель схватила Сару за руку и грубо начала проталкиваться вперед. Ей не терпелось оставить воспоминания о киносеансе в прошлом и вернуться в свой мир, в котором уже все предопределено.

За возмущающейся Мишей и восторженной Сарой следовали двое темноволосых, модно одетых парней, с раздражением слушая разговор подруг.

– Слышал? – подняв бровь, обратился один из них к другу.

– Еще бы, я слушал ее весь чертов фильм! – скривился второй и надвинул кепку на глаза.

– Пока мы сидели и смотрели эту хм... картину, мне пришла одна замечательная идея. Сейчас зима, а это время года навевает на меня тоску, впрочем, как и на тебя. Предлагаю интересное времяпрепровождение. – Приятель зазывно поиграл бровями.

– Только из чистого любопытства, говори.

– Спорим, что вот эта мисс Шутница-от-Бога никогда не получит удовольствия от реальных тематических игр и никогда не скажет настоящему мастеру слова любви? Да и контракт, как мне помнится, где-то я видел...

– Тише, – шикнул парень на приятеля и пихнул его, оглядевшись по сторонам.

– Какие мы сегодня нежные, – понизил голос первый. – Итак, что скажешь?

– Глупо, – отрезал второй.

– Я так и думал. Ты боишься взять девушку, которая мало того что не обучена быть нижней, так еще и имеет самый неподходящий характер для нашей темы.

Лучший друг и партнер по бизнесу надавил на самую большую мозоль – сомнение в его мужской силе и умении добиваться всего, что он хочет. А любые сомнения его раздражали, выводили из себя. Он назло брал все в свои руки, отвечая обидчику известным способом – уничтожал его. А так как пари предложил его названный брат, ему ничего не оставалось, как постараться утереть тому нос.

- Согласен, только я выдвину условие, чтобы была реальная причина для меня браться за это дело, – прошипел парень, натягивая впопыхах кожаную куртку.
- Идет. Встретимся утром в офисе.
- Готовь контракт.

Второй шаг

Мишель

– Доброе утро всем! – Улыбаясь семье, я сажусь за стол.

– Привет, дорогая. Ты вчера припозднилась, – замечает, выглядывая из-за газеты, папа, а мама жестом показывает нашей домработнице Лидии поставить для меня приборы.

– Ага, пятница же, тринадцатое. Мы с Сарой ходили на вечеринку к одному из студентов. – Пожав плечами, я, довольная, наливаю чай.

– А почему меня не позвала? – обиженно тянет Тейра.

– Потому что тебе шестнадцать, а в твоём возрасте благовоспитанные леди спят в своих постельках и видят единорогов, – пытаюсь удержать смех, обращаюсь я к сестре.

– А ты не такая и взрослая, всего девятнадцать, – фыркает она, воинственно складывая руки на груди.

– Девочки, вы не забыли, что сегодня мы идем на благотворительный прием? Встречаемся в восемь вечера внизу при полном параде, – напоминает мама.

Скривившись и зажмурив один глаз, показываю ей, что мне эта идея совершенно не нравится.

– Мам, сегодня ведь День всех влюбленных. И у нас с Сарой двойное свидание. – Я жалостливо смотрю на нее и хлопаю ресницами для правдоподобности своей скрытой просьбы – освободить меня от этого занудного вечера.

– Вот потом и сходите, – сурово говорит папа. – Если хочешь, Сара тоже может пойти с нами. Я внесу ее в список приглашенных, а через пару часов вы свободны.

– Правда? – недоверчиво переспрашиваю я.

Не в правилах отца так спокойно отпускать меня с какими-то парнями, которых он в глаза не видел, даже если они только выдуманные. Обычно такие разговоры сопровождаются расспросами, ссорами и заканчиваются, как правило, моим заточением. Поэтому предложение отца кажется довольно странным.

– Да, – кивает он.

– В чем подвох? – Прищуриваясь, я смотрю на него.

– Никакого подвоха. Одно условие: вести себя подобающе своему положению, – четко отвечает отец.

Но я была бы не я, если бы так просто поверила ему. Что-то тут не так. Неужели снова решил познакомить меня с кем-то из отпрысков своих друзей? Видимо, так и есть, поэтому и к моему выдуманному двойному свиданию отнесся лояльно.

Пока остальное семейство обсуждает предстоящий вечер, я строю планы по своему спасению. И телефон, как назло, потеряла, а точнее, его кто-то украл. Сволочь! Да нет, не сволочь, это я рассеянная. Положила его в задний карман джинсов и привлекла тем самым мошенника.

Вздыхнув, решаю, что для начала заеду за Сарой, а потом мы вместе съездим в торговый центр за обновлениями. Затем восстановлю номер и куплю новый телефон.

Отец отправляется в офис. Даже не помню, когда последний раз он оставался дома, чтобы провести время с семьей. Он работает в крупной нефтяной корпорации, где занимает одну из ведущих должностей. А так как рынок сейчас очень нестабилен, то ему приходится жить на работе, а не дома. Мама поедет в теннисный клуб, где собираются все дамы высшего света. Сестра будет щебетать со своими подружками и издеваться над школьными ухажерами.

Обычный субботний день в нашей семье, где никому нет дела до того, кто чем занят. Почему? Отчего мы не можем быть немного ближе друг к другу?

Деньги.

Ради них каждый будет рвать себя на части, чтобы добиться всех благ этого мира. Хотя мне должно быть совестно так размышлять, потому что я нахожусь на иждивении родителей. Я заканчиваю только первый курс финансового факультета. Хотела ли я этого? Меня не спросили. Куда папа сказал, туда и пошла. У нас так заведено. Хотя моя душа лежит к иному. К фотосъемке. Но это скорее хобби, которое не даст мне того, о чем я мечтаю. Финансовой стабильности в этом извращенном мире. Свободы, чтобы позволить себе любое увлечение для души.

Припарковавшись у многоэтажного дома, выхожу из машины и направляюсь к подруге. Возможности донести до нее благую весть о моем появлении нет.

Сара моя лучшая подруга еще со школы. Больше чем подруга – сестра. У нас с ней совершенно разные представления о мире, о выборе парней, да и вообще мы полные противоположности. Но они, как известно, притягиваются.

Дверь открывает незнакомая домработница и внимательно осматривает меня. Пытаюсь вспомнить хотя бы одно упоминание Сары о том, что они наняли иностранку, и не могу.

– Доброе утро, – медленно произношу я.

– Доброе утро. Чем я могу вам помочь? – с акцентом спрашивает она, не позволяя войти внутрь.

– Передайте Саре, что Миша ждет ее в машине, – бросаю я и ухожу.

Сев в «Ауди», подсоединяю айпод и нахожу одну из любимых песен. Отбивая ритм по рулю, подпеваю и наблюдаю за проходящими мимо людьми.

Торонто. Я люблю свой родной город и не собираюсь никуда уезжать. А зачем? Тут все есть. Конечно, путешествовать – это одно, а вот менять место жительства – другое. Я канадка, и мне нравится жить здесь. Взгляд цепляется за парочку, жадно целующуюся у такси, и я морщусь. Никогда бы себе такого не позволила, хотя у меня есть парень. Лукас, или просто Люк. Самый обычный парень, студент университета. Правда, мать с отцом предпочитают ничего о нем не слышать, так как Люк стоит ниже в социальной иерархии. Мы гуляем вместе, целуемся где-нибудь в укромном уголке, ходим за ручку и иногда...

Не успеваю закончить мысль, как дверь автомобиля с шумом распахивается, на пассажирское сиденье плюхается Сара. Меня обдает ее любимыми сладковатыми духами.

– Привет, – бодро произносит она, смахивая с лица рыжую прядь.

– И тебе не хворать. – Рассмеявшись, я завожу машину.

– Миша, утром мне пришло странное сообщение, но я не придавала ему значения. А вот сейчас, узнав, что ты подняла свою тощую задницу и зашла ко мне, заинтересовалась, – без предисловий начинает грузить подруга.

– У меня шикарная задница, между прочим. И что за сообщение? Неужели тебе сказали, что ты выиграла жесткий секс и доминанта в придачу? – Усмехаясь, я двигаюсь по уже заполненной автомобилями дороге.

– Если бы. Это я про твою шикарную тощую задницу. – Сара достает айфон и зачитывает: – «Доброе утро. Вчера в кинотеатре был найден красный «BlackBerry», и первый номер в нем был ваш. Как передать телефон его владельцу?»

– Оу! – Удивленно выдыхая, бросаю на подругу быстрый взгляд. – Какая радость!

– Ты что, действительно потеряла мобильный? – с сомнением спрашивает она.

– Ага, вчера пришла домой и хотела написать тебе и Люку, а оказалось, что сперли, – подтверждаю я ее догадку.

– Тогда намекну этому незнакомцу, что мы будем в «Итон-центре», да?

– Поблагодари его, а может, и ее, и скажи, что я могу подъехать за телефоном по любому адресу, если этого человека затруднит пересечься с нами в торговом центре, – подсказываю я, и Сара, кивнув, начинает печатать ответ.

– Сделано. А зачем нам по магазинам? – интересуется она, выискивая в моем айпode свою любимую песню.

– Мы идем на банкет. Сегодня. И надо что-то новенькое, – задумчиво отвечаю я, стараясь мысленно определиться хотя бы с цветовой гаммой наряда.

– Мы?

– Мы.

– Черт, Миша, а как же вечеринка? У Люка проходят самые крутые вечеринки с выпивкой. Я хочу попасть на нее! – возмущается Сара.

– Попадем. Я тоже не горю желанием сидеть на скучном мероприятии, но папа сказал, что мы там пробудем часа два, а потом можем свалить. Хотя я планирую смотаться раньше, – успокаиваю я негодующую Сару.

– А, ну тогда ладно. Мой папочка вчера улетел в Париж с новой шлюшкой, а мне оставил деньги и записку: «Не скучай». Мило, да? – с сарказмом произносит она.

– Сама забота, – поддакиваю я.

Ее телефон орет церковным звоном, и подруга расплывается в улыбке, как Чеширский кот.

– Дрейк пишет и признается в симпатии, как и Ель, как и Вито, как и Чейз, – наигранно устало вздыхает она.

– Бедняжка, искренне сочувствую, – хмыкаю я.

– О, тут еще одно сообщение, и это тебе, читаю: «Мне несложно подвезти пропажу к центру. Это обязанность мужчины. Я должен быть уверен, что телефон попадет в правильные руки». Это мужчина. А я ведь говорила... – тянет подруга.

– Меня интересует другое: что мужик делал на этом фильме? Гей? – Стучу пальцами по рулю, ожидая, когда машина впереди освободит дорогу, чтобы я могла свернуть к парковке.

– Дура! – Сара закатывает глаза. – Этот фильм, как и книгу, обожают миллионы людей, в том числе и мужчины, причем не только геи. Ты только подумай, как это романтично. Сегодня день влюбленных, неизвестный находит твой телефон и как принц мчится тебе его вернуть. Он ответственный. Он настойчивый. Он...

– Он больной. Так, Сара, хватит фантазировать! – перебиваю я ее. – Ни один нормальный человек не пойдет на этот фильм и тем более не потащит свой зад черт знает куда, только чтобы отдать пропажу. Ау, детка, мы живем не по сценарию, а в реальном мире.

– Ты просто слишком... нудная, – бурчит она и задумывается над ответом.

– Спроси, как я его узнаю? – вновь подсказываю я и глушу мотор.

Мы выходим и направляемся в торговый центр. Предвкушаю шопинг. Да, я девочка и люблю одеваться красиво, хотя в основном это ботинки, кеды, джинсы. Но! У меня есть особенное «но»: обожаю наблюдать, как люди поднимают челюсть с пола, когда видят меня в полной боевой готовности. Наверное... да нет, наверняка я ничем не отличаюсь от обычной студентки из семьи с достатком выше среднего, которая спокойно может потратить на одежду десять тысяч. Не могу сказать, что я избалована. Просто стараюсь в обычные дни слиться с толпой и быть как все. Я бываю несколько резкой и грубой, но не из-за того, что зазналась или смотрю на людей свысока. Нет, просто язык мой – враг мой, и думаю, у каждого человека среди знакомых есть такая змея, изливающая правду-матку всем и вся, которая не думает, что говорит, и даже не замечает этого, а потом ей стыдно за свои откровения. Она – это я. Я несколько цинична, эгоистична и язвительна. В психологии эти качества называют мнимыми, но, к сожалению, это не про меня. Я знаю, как устроена жизнь. В свои девятнадцать повидала

достаточно много разрушенных судеб и глубоко соболезную каждому человеку, рожденному в эту черную эпоху.

– Он написал... – Сара берет меня под руку, пока мы гуляем вдоль бутиков. – «Крошка, мимо меня редко кто проходит не оглянувшись. Но не тебе нужно меня узнавать, а твоей подруге». Урод, – обиженно фыркает она, а я хрюкаю от смеха. Да, этот парень стал одним из немногих, кто открыто дал отпор подруге.

– Дай! – выхватываю у нее телефон, когда мы входим в один из магазинов.

Пока Сара отправляется гулять по рядам, решаю взять ситуацию под контроль.

Мальши, неужели ты выступаешь в цирке уродов? Это будет интересно, люблю посмеяться.

Хихикнув из-за грубого ответа, довольная, присоединяюсь к подруге. Самомнение у мужика не хромает, но и мы не лыком шиты.

Крошка, советую контролировать свои слова, когда разговариваешь с незнакомыми людьми. Это сыграет тебе плохую службу. Передай подруге, что буду у фонтана рядом со «Старбаксом» через двадцать минут.

Ха и еще одно ха в этого придурка.

Мальши, советую попридержаться свои слова, иначе язык отсохнет от твоей манеры общения или его кто-нибудь вырвет. Я же добрая сегодня. Мне не нужно ничего передавать, это и есть та самая подруга.

Зло напечатав последнее сообщение, передернула плечами от такой наглости.

– Ну что? – с интересом спрашивает Сара, заметив мое негодование.

– Почитай, какой твой супермен самовлюбленный, – фыркаю я и бросаю айфон подруге.

Хватаю одно из платьев – темно-зеленое – и иду в примерочную. Подруга за шторкой хихикает, а затем уже всю смеется.

– Правильно, Миша, надо этого придурка отшлепать, – успокоившись, произносит она.

– На тебя слишком воздействует кинематограф, – хмыкаю я, но все же улыбаюсь, глядя на себя в зеркало.

Пойдет. Возьму это платье, а еще туфли, клатч... А может, черное или алое? Хотя зачем? Ведь это нудный вечер в компании родителей и их друзей, где меня будут выставить как товар. Нет, на этом мои покупки завершены.

– Он прислал сообщение, что на месте, – уведомляет Сара, пока я натягиваю свитер.

– Ну что, шоу началось, – пою я, подходя к кассе. – Пусть подождет, я же дама.

– За что ты с ним так? Ну, грубый немного, но он привез твой мобильный. В наше время нечасто встретишь честных парней. – Сара пытается донести до меня свои мысли, но вряд ли ей это удастся.

– Я ему сочувствую, – притворно смахиваю слезу и передаю кредитную карточку девушке за кассой.

Мы выходим из магазина. Сара отправляется в следующий, а я иду к эскалатору, чтобы спуститься к назначенному месту.

«Мимо меня редко кто проходит не оглянувшись», – вспоминаю его слова и с удовольствием готовлю план, как разбить вдребезги мужское эго.

За что я с ним так? А черт его знает, но адреналин и навязчивое желание поставить выпендренщика на место затмевают тихий голос разума. Лучше укусь прежде, чем от тебя оторвут кусок мяса. Научена той же самой богемной жизнью.

Юркаю в магазин с домашними принадлежностями, который располагается напротив фонтана, чтобы найти глазами этого спасателя чужих телефонов и сделать первичную оценку.

Мой взгляд пробегает по гуляющим людям, пока не останавливается на одном мужчине, вальяжно облокотившемся о стойку «Старбакса» и отпивающем из фирменной кружки.

Длинные ноги в темных потертых джинсах, расстегнутая кожаная куртка, открывающая широкую накачанную грудь. Даже через тонкий темно-бордовый свитер можно было разглядеть его мускулы. И не я одна занимаюсь этим сейчас, каждая девушка, проходящая мимо, бросает на него томные взгляды и улыбается. А он, по законам жанра, ехидно усмехается.

Темные волосы уложены в современную прическу, темная щетина... Мои глаза медленно изучают его лицо. Если бы я была падка на внешность, то уже свалилась бы в обморок от мужественной и в то же время чувственной красоты этого мужчины. В нем таится что-то странное.

«Сочный, засранец!» Улыбаюсь, поймав себя на этой мысли, но моментально собираюсь и, решительно подняв подбородок, выхожу из своего убежища и легкой походкой иду навстречу... к другому парню, стоящему с приятелем точно возле фонтана.

Улыбаясь, прохожу мимо него. А он на полголовы выше, а может, и больше. Но я демонстративно не смотрю в его сторону, мое внимание направлено на другого – в облегающих синих джинсах и ярко-красной парке. Какая-то пародия на мужчину! Но лучше уж такой, чем этот самовлюбленный красавчик.

– Привет, – обращаюсь я к незнакомцу и дотрагиваюсь до его плеча.

Парень отвлекается от разговора с другом и удивленно смотрит на меня голубыми глазами.

– Ты нашел мой телефон, и мы договорились встретиться у фонтана, – поясняю я.

– Мм... нет. – Он виновато улыбается, на что я наигранно хмурюсь. – Но я не против поискать его вместе. Я...

– Ее это совершенно не интересует, – раздается позади меня такой холодный и властный голос, что мурашки пробегают по спине.

Резко оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с прищуренными глазами цвета шоколада, пристально изучающими мое лицо. Мгновенно забываю все слова, которые приготовила заранее. Секунда – и я, улыбаясь, оборачиваюсь к голубоглазому.

– Прости, обозналась, – пожимаю плечами.

– Да ничего, бывает. Как освободишься, приходи, мы будем на втором около игровых автоматов. – Он подмигивает мне и уходит в глубь торгового центра.

Мужчина кашляет, напоминая о себе. Вновь поворачиваюсь в его сторону.

– Привет, – сухо киваю я.

– Добрый день. – Низкий тембр голоса, приоткрытые губы, обнажающие белоснежные зубы, – все говорит о том, насколько он может быть опасен.

Не знаю почему, но инстинктивно улыбаюсь ему, теребя ногтем ручку пакета.

Я должна держать оборону, унижить его и показать, что он всего лишь человек, а не небесное светило, коим хочет казаться сейчас, нагло меня осматривая. Но что-то идет не так. Не понимаю, что именно. Сглатываю неприятный комочек, образовавшийся в горле.

Возможно, это из-за того, что мне приходится смотреть на него снизу вверх. Возможно, потому, что я не могу оторваться от его темных глаз, удерживающих зрительный контакт. Возможно, просто переоценила свои возможности и первый раз расплачиваюсь за собственную самоуверенность и грубость. Как бы то ни было, но я стою, как монумент, и смотрю на него.

Неприятное чувство, напоминающее разочарование в себе, заставляет меня перевести взгляд ему за спину и переступить с ноги на ногу, чтобы поменять позу на более непринужденную.

– Хм, телефон... – Я напоминаю о причине этой вынужденной встречи и цепляюсь взглядом за подвеску в виде ключа на его шее. самого обычного, металлического ключа, не ювелирного. Странного.

Почему-то мне становится неловко и хочется убежать из-за своих слов. Далеко убежать. Черт, я первый раз в жизни готова принести извинения за то, что так некрасиво вела себя в переписке с ним.

– Да. Я здесь за этим же. – Мой собеседник тянет слова, как будто дает мне время привести мысли в порядок. Но он ведь не может знать, что в данный момент мои руки покрылись мурашками, скорее всего, от холода. И что я отмечаю его спокойный, но в то же время стальной голос – такой встречается редко, по крайней мере, мне.

– И? – Я поднимаю подбородок и смотрю ему в глаза.

– Какая плата? – спрашивает он.

Опешив от его наглости, я все же нахожу что сказать и скрещаю руки на груди, этому даже пакет не мешает.

– Кофе? Булочка?

– Не интересует. Что-нибудь еще? – Он достает из внутреннего кармана куртки знакомый телефон, демонстрируя его мне.

– Можешь просто отдать, и я скажу тебе: «Спасибо».

Ехидно улыбаюсь и тянусь за мобильным, но он играючи поднимает его выше, наблюдая за моей реакцией. От этого во мне поднимается буря из злости и возмущения. Он словно проверяет меня на прочность.

– Слушай, – я тру лоб, желая прекратить это знакомство как можно быстрее, – я тебе благодарна за спасение моего телефона, но у тебя, видимо, много свободного времени, а меня ждут, и я не хочу играть. Давай ты вернешь мою вещь, и мы распрощаемся?

Ловлю его взгляд, который на секунду вспыхнул, а затем вновь стал ледяным.

– Я умею ценить время в отличие от тебя. Но признаю, ты права: я не смею удерживать это у себя.

Хмыкнув, он протягивает телефон, который я, совершенно сбита с толку, осторожно беру. Он словно знает обо мне все, и даже не хочется доказывать обратное. Именно эти мысли пугают меня, и я отступаю назад.

– Спасибо, – киваю ему.

– Всегда, пожалуйста. – Он улыбается, наклонив голову набок.

– Всего доброго. – Махнув рукой, я быстро разворачиваюсь и резвым шагом направляюсь к эскалатору.

Что произошло? Казалось, эта встреча длилась не несколько минут, а целый час. И откуда он такой появился?

Встав на эскалатор, я оборачиваюсь и замечаю, что мужчина стоит на том же месте и, не мигая, наблюдает за мной. Я тут же отворачиваюсь и прячу телефон в сумку.

Станный. Он действительно какой-то не от мира сего. Первый раз я так явно ощущала силу, исходящую от мужчины. Раньше я не встречала подобных субъектов.

Мотнув головой, выбрасываю ненужные мысли о незнакомце и вновь оборачиваюсь, но его внизу уже нет. Облегченный вздох срывается с губ. Улыбаясь, иду искать подругу и вдруг улавливаю вибрацию своего «BlackBerry». Но это невозможно, ведь он должен быть выключен. Достая телефон из сумки и, заметив, что он заряжен до ста процентов, удивленно приподнимаю брови.

+1 (647) 9466777:

До встречи, Мишель. Будь осторожна и собрана, в следующий раз меня не будет рядом, чтобы помочь тебе.

Сообщение от незнакомого мне номера, и я останавливаюсь, чтобы перечитать внимательней.

Рука отчего-то потеет, и даже появляется чувство, что за мной продолжают пристально следить. До сих пор ощущаю на себе взгляд темных глаз, обрамленных черными ресницами.

Обернувшись и удостоверившись, что не схожу с ума и это лишь плод моего воображения, удаляю сообщение.

Мы больше никогда с ним не встретимся. Торонто – огромный город, в котором теряются как люди, так и все человеческое в них.

Единственное, что не могу выбросить из головы, – откуда он узнал мое имя?

Третий шаг

Ровно в назначенное родителями время спускаюсь по мраморной лестнице нашего пентхауса.

На мне новое платье – облегающее, молочного цвета, на одно плечо. В тон ему туфли-лодочки известного дома моды. Темно-каштановые волосы я уложила в элегантную прическу, которая всегда выручала на таких вечерах. Вдела в уши подаренный на девятнадцатилетие комплект украшений и на этом успокоилась.

– И последняя, – констатирует мое появление папа.

– Тогда пора начать этот великолепный вечер, – улыбается мама, выходя из квартиры, а мы с Тейрой следуем за родителями, как две обученные мартышки.

Сев в лимузин, папа откупоривает бутылку шампанского и предлагает маме бокал. Понятное дело, что нам остается пить только апельсиновый сок, от которого и я, и Тейра отказываемся. Родители обсуждают благотворительный прием. Достаю из сумки телефон и пишу сообщение Саре.

Не люблю подобные мероприятия, для меня они до неприличия скучны, но положение отца в компании обязывает быть примерной старшей дочерью. На меня возлагают надежды на будущее. Как я могу нарушить мечты любимых родителей?

Лимузин останавливается у знакомого за последние два года здания «TIFF Bell Lightbox»¹, где проходят самые яркие события Торонто, и мы выходим на красную ковровую дорожку, по которой мне удастся пролететь ко входу, не пойманной фотовспышками. Для меня это лишнее, а вот для сестренки наоборот: она купается в этой роскоши и мнит себя знаменитостью. Самое смешное, что никто даже не знает, кто она, и не интересуется этим.

Мимо меня проходят гости, а я ожидаю свою семью у стеклянных дверей, кутаясь в шубу.

Папа бросает на меня предостерегающий взгляд, говорящий о том, что мой бег по ковровой дорожке не прошел для него незамеченным. Только закатываю глаза и вхожу вслед за родителями в холл, где мы сдаем верхнюю одежду и направляемся в главный зал.

Скука смертная. Оглядываю помпезное помещение и нахожу глазами наш столик под номером восемь. Оставив семью здороваться и болтать со знакомыми, направляюсь к нему и благополучно приземляюсь на мягкий стул, оставаясь наконец-то одна.

Множество разряженных персонажей и все играют друг перед другом роли. Смотреть на это довольно противно, зная, что они представляют собой на самом деле. Неприятно понимать и то, что я вынуждена следовать тем же правилам высшего света, что и каждый из присутствующих. Нельзя оставаться самой собой, тебя не примут, и это только усугубит твоё положение. Поэтому приходится подняться и, подхватив бокал с шампанским, двинуться навстречу подруге в золотистом платье и с уложенными в замысловатую прическу шикарными рыжими волосами. Невообразимо красивая копна сводит меня с ума уже долгое время, и я бы все отдала за такие волосы.

– Привет, дорогая! – Сара тянется к моей щеке и оставляет поцелуй в воздухе, копируя манерное приветствие на такого рода вечерах.

– Привет, – щебечу я и хлопаю ресницами, имитируя настоящую представительницу высшего света.

– Ох, ты даже не представляешь, какой ужас случился со мной буквально пару минут назад. – Подруга наигранно берет меня под локоть и испуганно прикладывает другую руку к груди.

¹ Культурно-развлекательный центр.

– Боже, ты должна мне все рассказать, – подыгрываю я ей, пока мы лавируем между гостями, направляясь к моей семье.

– Я до сих пор не отошла от шока. – Сара закатывает глаза и обмахивается левой рукой.

– Ну же, не томи, дорогая, а то я выпрыгну из своих стрингов, украшенных бриллиантами. – Я уже готова расхохотаться, но один из мужчин удивленно оборачивается на слова «стринги», и я делано взвизгиваю.

– В общем, я вхожу в зал и испытываю такое удивление... Дело в том, что ты, сучка, наливаешься без меня, – заканчивает Сара фразу своим голосом.

Я допиваю шампанское и, смеясь, ставлю бокал на поднос официанту.

Подруга тоже смеется, и мы, веселясь, подходим к моей семье.

– А вот и она, наша Мишель. – Мама замечает меня первой.

Папа, как я и предполагала, знакомит меня с парнем по имени Зак, его родителями и дядей – одним из руководящих работников компании. Мне приходится сдержанно улыбаться и деликатно отнекиваться от вариантов совместного завтрака, обеда или ужина. Парень мне совершенно неинтересен по одной причине – он из высшего света.

Никогда не задумывалась о любви, потому что между моими родителями ее не существует. Они поженились поговору родителей, но единственное, в чем они были искренни друг перед другом, – это в уважении. Ни у кого из них не было любовников, и каждый чтит брак. Они говорили с нами об этом открыто, указывая на то, как следует строить ячейку общества.

Любовь. Я даже ни разу не была влюблена, по-настоящему, до искр из глаз. Гормоны не затмевали разум. Зато я узнала, что такое безысходность без влюбленности. Каково это – не любить и быть зависимой от своих желаний и добрых побуждений.

Что со мной не так? Вряд ли такие чувства приходят благодаря внешности. Даже у моей подруги нет постоянного парня. Она говорит, что еще слишком молода, чтобы подарить свое сердце кому-то одному. Конечно, у меня не такая эффектная внешность, как у Сары. Но я никогда не испытывала чувства зависти к ней. Мы разные. Я симпатичная, а некоторые парни считают меня даже красивой, я ухаживаю за собой, тренируюсь в спортзале, но делаю это исключительно для себя. Необходимо иметь физическую силу, чтобы уметь защищаться.

А нужна ли мне любовь? Зачем она? Чтобы превратиться в одну из сломленных женщин, которых вокруг и так столько, что можно отстреливать, и никто не заметит?

Нет, такая глупость мне не нужна. Это последнее, чего я желаю.

– Миша, когда мы свалим? – шепчет Сара на ухо, и я поднимаю голову от нетронутого второго блюда.

– Сейчас проверю обстановку.

За нашим столиком помимо моей семьи и подруги располагается тошнотворный Зак с родителями и дядей. Взрослые о чем-то бурно болтают, парень копается в своем айфоне, как и моя младшая сестра. Благотворительный вечер протекает стабильно вяло, хотя просидели мы тут немногим больше часа. Сбежать еще рано, потому что папа не выпил достаточно виски, чтобы не заметить моего отсутствия.

– Прекрасная песня, – слышу мамино замечание и перевожу на нее взгляд. Она качает головой в такт музыке. – Очень романтичная, а ведь сегодня как раз День всех влюбленных.

– Ты права, Сессиль, – поддакивает мать моего несостоявшегося кавалера.

– Закерий, прекрасная возможность узнать Мишель поближе, пригласи ее на танец! – Предложение, исходящее от отца, звучит как приказ. Этот тон вызывает отвращение.

Умоляюще смотрю на маму, которая отрицательно мотает головой, говоря, что я должна встать и позволить этому парню себя лапать.

– Ты прав, отец. С удовольствием, папа, – елевым голосом отвечает Зак, обходит стол и предлагает мне руку.

По выражению лица Сары вижу, что она сочувствует мне изо всех сил, а моя младшая сестра только прыскает со смеху на такую «удачу».

Вынужденно улыбаюсь и позволяю Заку вывести меня на танцпол, где уже развлекаются как пары молодые, так и в возрасте. Он кладет свою руку мне на спину.

– Выше, – требую я, глядя в серо-голубые хитрые глаза.

– Не понял?

– Руку с моей задницы убрал, – зло шиплю, не в силах взять под контроль чувства.

– Да брось, наши родители этого и хотят. Развлечемся, я тоже не против, – бросает он, но все же следует моему приказу.

Кажется, даже через ткань ощущаю, насколько потные его ладони. Испортит мое идеальное светлое платье. Урод.

– Я против, – сухо отвечаю я и перевожу взгляд ему за спину. – Танец закончится, и попрощаемся.

Под красивую музыку я немного расслабляюсь. Хотелось бы ощущать только сильные руки и плечо, на которое можно опустить голову. Но, увы, такого нет, и мне остается только терпеть издевательства своего недалекого партнера, который то и дело норовит сжать мою ягодицу. А я демонстративно поднимаю его руку на талию и зло сверкаю глазами, желая убить одним взглядом.

Только открываю рот, чтобы высказать все, что я о нем думаю, как Зак растягивает губы в самодовольной улыбке и прижимает меня к себе, вновь опуская руку. Внезапно кто-то отрывает меня от него, и я, пошатнувшись на каблуках, теряю равновесие и впечатываюсь в чью-то грудь, хватаясь за лацканы пиджака. Пара секунд – и мой мир перевернулся с ног на голову.

– Насколько я заметил, девушка ясно дала понять, что твои прикосновения ей не нравятся.

Холодный голос мне знаком. Поднимаю голову и встречаюсь лицом к лицу с мужчиной, который вернул мне телефон.

– А ты кто такой? – заносчиво спрашивает Зак, поправляя пиджак.

– Друг.

Я стою и не могу собраться с мыслями, переваривая эту сцену.

– Дорогая, ты его знаешь? – фамильярно обращается ко мне Зак и протягивает руки.

Но этот нахал просто берет и отодвигает меня от него, словно шкафчик с вещами.

– Знает, а теперь свободен! – грубо отвечает за меня мой спаситель.

Зак моментально ретируется.

Шокированно смотрю в спину несостоявшемуся кавалеру и ловлю себя на мысли, как этот незнакомец умеет заставлять людей делать то, что он хочет. Такое дано не каждому. Мне, увы, видимо, нет.

– Значит, снова неприятности, Мишель? – Мужчина обращается ко мне с укором, а я даже имени его не знаю.

– Я... да все нормально. У меня все было под контролем, – пожимаю я плечами. Не признаваться же, что он появился вовремя и спас Зака от вульгарных выражений, а меня от очередной ссоры с родителями.

– Я заметил. – Хмыкнув, он притягивает меня за талию и начинает двигаться под Барри Уайта.

А я? Ничего не делаю, ошеломленно смотрю на него, не веря в происходящее. Какого черта он так себя ведет?

– Откуда ты знаешь мое имя? – спрашиваю я, глядя в темные глаза.

– Все довольно просто, – неопределенно отвечает он.

– А ты кто такой и как тебя пропустили сюда? – Я быстро оглядываю его дизайнерский черный пиджак и белую сорочку с бархатной бабочкой от Дольче Габбана, у меня есть такая же в арсенале.

– Это тоже довольно просто, – понижает он голос и наклоняется ко мне.

Между нами всего каких-то два-три сантиметра. Отчего-то это довольно комфортно и... интересно? Мужское внимание и флирт мне откровенно льстят, но разум бунтует, подсовывая красочные картинки возможной личности человека, который держит меня в своих объятиях.

– Знаешь что, довольно простой спасатель...

– Не стоит, крошка. Когда молчишь, ты еще красивее, а особенно в этом вульгарном платье, – перебивает он и, оттолкнув от себя так быстро, что не успеваю отреагировать на его недокомплимент и эту «крошку», крутит меня вокруг своей оси и возвращает в кольцо своих рук.

Отмечаю про себя, как уверенно он двигается, но в памяти свежи его последние слова, и я перебираю в голове варианты ответа.

– И румянец тебе к лицу, – добавляет он сниженным на октаву голосом и вновь сбивает меня с мысли.

Первый раз не могу сконцентрироваться на том, чтобы отгадать непонятного и странного мужчину. Раньше мне это удавалось с особой легкостью. Так, где все мои таланты? Испарились в ароматном облаке его дерзкой сексуальности?

– Какой румянец? – возмущаюсь я вслух.

– Вот этот, – указательным пальцем он проводит по моей щеке.

– Какого...

– Молчи, Мишель.

Его необычный и властный взгляд заставляет меня обиженно поджать губы. Он неотрывно следит за моим выражением лица, поднося мою руку к своим губам. Как замороженная, наблюдаю за его действиями. Поцелуй, оставленный на моих пальцах, горяч, он словно поставил на мне свою метку. Я резко вырываю руку и делаю шаг назад. Такой фривольности по отношению ко мне еще никто себе не позволял. Ладно, позволяли, но тут же получали за это хорошую пощечину или между ног. А сейчас что? Я просто наблюдаю, как незнакомый мужчина соблазняет меня, и не делаю никаких попыток даже нагнать ему. Я наслаждаюсь?

– Не убегай. – Он вновь обхватывает меня за талию и прижимает к себе, словно безвольную куклу, не отрывая от меня своих чертовых глаз. О чем можно думать, когда он так смотрит на тебя? Конечно, о том, что мне это не нравится. Да-да, не нравится. Я видела тысячи карих глаз, и эти ничем не отличаются. Хотя, возможно, они яркие и живые в отличие от голоса, ровного и спокойного, даже убаюкивающего. Но он все равно мне не нравится, и точка!

– Ты преследуешь меня? – тихо, но настойчиво спрашиваю я.

– Это ты преследуешь меня. Сначала я спасаю твой телефон из рук воришки. Теперь тебя из лап какого-то урода, которому ты позволяешь лапать себя потными руками, – с отвращением в голосе отвечает он, и эта смена реакции удивляет меня и вызывает интерес.

– Я не позволяла, – быстро произношу я, а через секунду поджимаю губы, потому что мои слова звучат как оправдание перед ним. Но ведь я ничего ему не должна, я вообще ничего о нем не знаю, только то, что он обладает теплыми руками и мягкими губами, таинственными глазами и нерушимой манией величия.

– Мне это нравится. Ты меня заинтересовала, Мишель, поэтому продолжай не позволять другим касаться тебя. Только я могу это делать. Запомни, – шепчет он мне на ухо.

Я чувствую его дыхание на коже и покрываюсь мурашками. Реакция моего тела меня удивляет. Я крепче сжимаю его плечо, пытаюсь дышать, но задыхаюсь. Маленькие иголки приятно покалывают мою поясницу, а незнакомец продолжает танцевать со мной как ни в чем не бывало. Но так кажется только в первые секунды, пока он не прижимается ко мне так, что я

ощущаю на своем бедре его выпирающее подтверждение извращенной близости, происходящей на глазах у множества людей.

Подняв голову, всматриваюсь в его глаза. Мы ведем диалог без слов – телами. На его лице не дрогнул ни один мускул. На губах играет слабая, даже скучающая улыбка, скрывающая любую эмоцию. Карие глаза манят своей глубиной и меняющимся оттенком шоколада, без которого я раньше могла спокойно обходиться. Да он весь был похож на десерт. Если переест, можно получить диатез и больше никогда даже не смотреть в его сторону. А если... если...

Мне больше не хочется даже анализировать ситуацию. Я медленно провожу рукой по его груди. Даже через ткань чувствую тугие мышцы и настолько увлекаюсь, что не замечаю, как мой партнер останавливается, а музыка меняется на более живую. Мужчина перехватывает мою руку. Я поднимаю взгляд и встречаюсь с холодными глазами и сурово сжатым ртом. Охнув от наглости, которую позволила себе несколько мгновений назад, я обескураженно только открываю и закрываю рот.

– Я провожу тебя к родителям, Мишель. Если ты продолжишь, то тебя от меня уже никто не спасет. Но пока рано знакомиться так близко. – Продолжая держать за руку, он ведет меня за собой, кивая знакомым, которые с интересом наблюдают за нами.

А я что? Беспрекословно иду, пытаюсь поймать хоть одну мысль. Но мыслей не было, как будто у меня изначально не существовало никакой мозговой активности. Это странно. И когда я превратилась в жадную до внешности глупышку?

Внутри меня все возмущается реакцией на этого человека. Он говорил банальные вещи и обращался со мной как с дешевой девкой. Это отвратительно и несвойственно мне. Только решаюсь сказать ему об этом, как понимаю, что поздно, мы уже в нескольких шагах от нашего столика. Папа, заметив нас, хмурится и поднимается, сурово глядя то на меня, то на мужчину.

– Мишель? – Отец вопросительно выгибает бровь и высокомерно оглядывает моего спутника, задерживая взгляд на моей руке, которая до сих пор во власти крепкой и теплой чужой ладони.

– Добрый вечер, мистер Пейн. – Незнакомец не отпускает мою руку, и я замечаю, что за нашим столиком повисает молчание и все взгляды направлены на нас. А он, как будто угадывая, как я ненавижу быть в центре внимания, успокаивающе поглаживает мою кисть большим пальцем.

– Добрый вечер, – сухо кивает папа.

– Николас Холд, – представляется незнакомец и протягивает свободную руку отцу.

Мой родитель пожимает ее и заметно расслабляется, улыбаясь этому наглецу.

А почему мне не открыл своего имени? Что за неуважение?

От злости я кручу руку в его крепком захвате, и мне удается освободиться.

– Мистер Холд, я не ожидал встретить вас на банкете. Какая удача лично познакомиться с вами. Присоединяйтесь к нам. – Папа, к моему удивлению, лебезит перед этим человеком, вызывая у меня полное недоумение происходящим.

Кто такой Николас Холд? Какая-то шишка? Я бы слышала о нем. Или очередной сынок из элиты? Нет, не похож. Бросаю быстрый взгляд на мужчину – точно не избалованный отпрыск.

– Друг пригласил меня составить ему компанию. Вот, к слову, и он. – Николас указывает в сторону. К нашему столику уверенной походкой идет темноволосый мужчина в дорогом элегантном черном костюме.

Да что за черт? Где-то взорвался завод по изготовлению жеребцов и их завезли сюда, чтобы украсить этот вечер?

– Райли Вуд, мой хороший друг. Познакомься, это Тревор Пейн, руководитель аналитического отдела компании «М.Р. Corporation»...

Пока мужчины представляются, пытаюсь продвинуться к своему месту. Но один взгляд, косо брошенный на меня Николасом, – и я останавливаюсь как вкопанная. Что-то было пуга-

ющее в блеске карих глаз. Мужчины продолжают разговаривать, к ним присоединяется отец Зака, затем наши матери. А я, словно провинившийся ребенок, стою в стороне.

Встречаюсь взглядом с Сарой, которая молча спрашивает: «Что тут происходит?» Только пожимаю плечами.

Злость от того, что этот Николас обращается со мной как с глупой куклой, переполняет чашу терпения. Гордо задрав подбородок, демонстративно шагаю к подруге, даже не глядя в его сторону. И вообще, почему я должна реагировать на его взгляды да еще сносить недвусмысленные фразочки? Я оказалась не готова к явной атаке на мою женскую чувственность. Впредь буду умнее, если когда-нибудь ему посчастливится увидеться со мной вновь.

– Миша, время. Может, сбежим? – предлагает Сара.

Взглянув на наблюдающего за мной Николаса, хитро улыбаюсь и киваю.

Пока все заняты обсуждением политики и рынка ценных бумаг, я подхватываю свой клатч. Сообщаю сестре, что ухожу, но она даже не обращает на меня внимания. Конечно, куда ей до моих глупостей, когда тут два модельных красавчика расточают свои познания и покоряют своей силой окружающих?

Взявшись за руки, мы с Сарой, словно две преступницы, сбегаем с этого унылого праздника на другой, более интересный.

«Не убегай».

Останавливаюсь перед открытой дверцей такси и оборачиваюсь. Чудится шепот Николаса за спиной. Слишком много шампанского выпила. Мотаю головой, сбрасывая с себя это наваждение, и юркаю в салон машины.

Пришло время веселиться!

Четвертый шаг

– Это издевательство, – всплескиваю я руками, когда мы входим в дом, полный пьяных студентов.

– Миша, привыкай. Это сейчас модно, – смеется Сара.

Распускает волосы и заплетает их в небрежную косу. Подмигивает мне, предлагая сделать то же самое. Я, не теряя времени, освобождаюсь от тугой ракушки, позволяя локонам свободно лежать на плечах. Этим жестом я словно и сама сбрасываю с себя бремя примерной дочери и могу позволить себе все. Нужно что-нибудь очень крепкое, чтобы выбросить из головы мысли о Николасе.

– Привет, красавица. – Люк, лучший футболист университета, обнимает меня за талию и целует в висок.

Сара, бросив на моего парня насмешливый взгляд, закатывает глаза и кривится, показывая мне, насколько Люк ей неприятен.

– Привет, с праздником, – улыбаюсь я. – Хм, отчего такой странный выбор антуража?

Обвожу рукой комнату, где в красном свете повсюду разбросаны предметы БДСМ.

– Стильно, – пожимает он плечами. – Тебе не нравится? Я думал, попробуем что-нибудь новенькое.

– Не сегодня. Я терпеть не могу, когда причиняют боль, – несколько резко отвечаю я, и Люк недовольно поджимает губы.

– Миша...

– Давай выпьем что-нибудь покрепче, – перебиваю его. – Сегодня был нудный вечер, и я хочу расслабиться.

По его лицу замечаю, что ему не нравятся мои слова. Не дав Люку возмутиться, хватаю его за руку и тащу к бару, где уже сидит Сара в компании одного из ее почитателей. Заметив нас, подруга указывает на приготовленные стопки с текилой.

– На раз, два, три, пьем! – командую я.

Мы все берем стопки в руки. Махнув головой, опрокидываю в себя горький напиток и закусываю лаймом. Немного передернув плечами от рвотного позыва, я перебарываю его и делаю повторный заказ. Алкоголь на голодный желудок тут же дает о себе знать, опускаясь тяжестью к ногам.

Плевать. Вторая стопка идет уже легче, а на третьей я хихикаю от поцелуев Люка и позволяю увести себя в другую комнату, где грохочет музыка.

– Миша, в этом платье ты такая сексуальная, – шепчет Люк, притягивая меня к себе.

Я позволяю ему это, желая быть обычной, а не зажатой, безэмоциональной, примерной девочкой. Надоело! Хочется свободы! Я плавно двигаюсь в такт музыке, обнимая Люка за шею, и практически висну на нем. В голове туман. Его руки ласкают мои бедра. Поворачиваюсь к Люку спиной и податливо выгибаюсь, а его губы опускаются на мою шею, оставляя на ней мокрые поцелуи.

Фантазия бурлит во мне. И я представляю себя рядом с другим человеком, вот только неприятные поцелуи Люка мешают. Николас... Его сильные руки на моей талии. Вспышки в голове. Открываю рот, выпуская горячий воздух, наполнивший тело. Провожу языком по нижней губе, резко выгибая спину, и прижимаюсь ягодицами к возбужденному члену Люка. Сердце бьется чаще, и я плыву в своих фантазиях, возбуждаясь и наслаждаясь сама собой.

– Миша, черт, пойдем в мою спальню. Ты обещала, – шепот врывается в мой разум, тумана образы, которые я вижу в своей голове.

– Принеси выпить, потом обсудим, – резко отвечаю я и мотаю головой, прогоняя надоедливую Люка. Мое состояние такое необычное и новое, что я боюсь его спугнуть.

Приоткрываю глаза, продолжая двигаться. Не понимаю, что происходит со мной, но мое воображение рисует мужчину, с интересом наблюдающего за мной. Делаю два шага к нему, не сводя взгляда с его темных глаз, которые кипят от моего возбуждения. Иллюзия. Она затягивает меня все глубже. Ощущаю, как мужские руки обхватывают мою талию и притягивают к сильному телу. Противиться я не в силах. Не хочу. Не могу. Не буду. Грань между реальностью и фантазией стирается. Я словно под кайфом, когда ничего не волнует, кроме того, как хорошо. Я кладу руки ему на плечи и теснее прижимаюсь к нему, прохожусь ногтями по его коже и запускаю пальцы в мягкие волосы.

Аромат, которому не могу найти определения. Приятный мускусный запах и тепло. Этот мужчина пахнет горячим летним солнцем, и я загораю под ним, не опасаясь сгореть.

В моем организме переизбыток алкоголя – я не могу думать и лишь наслаждаюсь медленными движениями, то прижимаясь к нему, то отдаляясь. Дышать все сложнее. Он хватается за волосы, наматывая их на кулак, а другой рукой ласкает мою спину, опускаясь к ягодцам. Вздрагиваю от острого возбуждения, пронесшегося по всему телу.

– Тебе противопоказано пить, крошка, – знакомый голос раздается прямо возле моего уха. Растворяюсь в ощущениях, улыбаясь его тембру.

– Мне хорошо, – шепчу я и, мотнув головой, освобождаю волосы из его хватки.

Секунда – и иллюзия приобретает силу, резко поворачивая меня спиной и заставляя откинуть голову на плечо партнера. Продолжаю двигаться, закрыв глаза.

Теперь его руки гладят живот, опускаются на бедра и слегка сжимают их. Схожу с ума, полностью отдаваясь страсти, тягуче плещущейся во мне. Приятно, чертовски приятно. Мои ягодцы прикасаются к твердой выпуклости. Издаю тихий стон, когда он подается вперед, крепче прижимаясь ко мне. Грубый рывок за волосы, и я задыхаюсь от новых ощущений, заметно вздрогнув и покачнувшись от безумного возбуждения.

– Сейчас тебе тоже хорошо? – Зубы прикусывают мочку моего уха, слабо посасывая ее.

Внизу живота буквально все горит, непроизвольно хватаюсь за руку, которая сжимает мою талию. Распахиваю глаза, резко возвращаясь в реальность. Оборачиваюсь и вижу знакомую усмешку.

– Николас? – глупо моргая, прошептала я и остановилась.

– Тише. – Он подается вперед, не давая мне выйти из тумана, который по-прежнему кружит голову. – Продолжай, – шепчет он, сжимая мою талию.

– Но...

– Закрой рот, Мишель, иначе мне придется это сделать самому. Я требую продолжения, – рычит воображаемый Николас.

Пытаюсь избавиться от наваждения и трясую головой. Но он не позволяет, сжимая затылок ладонью и прижимаясь к моему лбу.

– Чувствуй, крошка. Прочувствуй меня и доверься, – произносит он, и я приоткрываю губы, подчиняясь этому призыву.

Мои руки вновь находят его шею, а тело расслабляется в его объятиях. Балансирую на краю пропасти. Он ведет меня. Уверенно. Сильно. И я отдаюсь во власть мужчины первый раз в жизни, ощущая легкость внутри.

С каждым движением грудь тяжелеет. Прижимаюсь к нему, втягивая в себя аромат, стирающий все опасения. Чувствую его дыхание на своих пересохших губах и облизываю их кончиком языка. Его рука сжимает мои волосы, тянет их назад. Издаю стон от пронзившей боли и одновременно от сладкого нектара, влившегося в мою кровь. Дуновение горячего ветра и мягкое прикосновение губ к пульсирующей вене. От неожиданности и от вспыхнувшей внизу живота тугой искры дергаюсь. Выдыхаю. Слишком близко. Слишком сладко. Смертельно вкусно. Умираю и улыбаюсь, поднимая голову и встречаясь с его глазами.

– Миша, какого хрена тут происходит? – Разъяренный возглас Люка обрушивается на меня.

Перевожу затуманенный взгляд со своего парня на другого человека, продолжающего обнимать меня, и обратно. В одну секунду все мешается в голове.

– Ты лишний! – зло бросает Николас, его сильное тело под моими ладонями напрягается.

Как такое возможно? Нет. Он ненастоящий. Невероятно... Боже, я трогаю его и теперь понимаю... Хотя ни черта не понимаю, потому что мой мозг слишком опьянен, как и кровь отравлена дозой алкоголя.

– Это ты лишний, – фыркает Люк, пытаясь схватить меня за руку, но Николас не дает этого сделать и задвигает меня себе за спину.

– Миша, объясни мне, что это за урод и какого черта он забыл в моем доме?! – повышает голос Люк.

– Это... вроде как Николас, – мямлю я, облизывая губы.

– Не понял? Ты что, кинула меня?! – орет Люк и бросает бокал на пол. Осколки в кого-то попадают, и раздается визг.

– Я... ик... я... не знаю, – шепчу я.

– Все. Довольно этого цирка. – Николас решительно взваливает меня на плечо.

В организме происходит буря, и я понимаю, что меня сейчас вырвет.

– Мне плохо, – скулю я и несильно бью Николаса по спине.

– Ты даже не имеешь представления, что такое плохо, – рычит он, шлепая меня по ягодице.

От неожиданности я вскрикиваю и утыкаюсь носом в его пиджак.

Как вкусно от него пахнет! Глупо улыбаюсь, пока меня, как мешок с картошкой, выносят из дома моего парня. Вроде уже как бывшего? Или я снова в прострации? Плевать. Я расслабляюсь, и на меня резко наваливается желание провалиться в сон, но стараюсь держаться.

Меня опускают на землю, а я качаюсь и хватаюсь за лацканы пиджака Николаса. Закинув голову назад, вижу подтверждение своей фантазии.

– Мистер Холд, какая встреча, – пьяно тяну я и хихикаю, глядя в темные глаза, недовольно сверлящие меня.

– Мисс Пейн, вы надрались, как портовая девка, – холодно произносит он.

Снова хрюкаю от смеха.

– Ага, – киваю я так резко, что меня шатает. – Ты такой наглый... очень наглый субъект... я должна вернуться... наверное... моя одежда...

– Рот закрой, – грубо перебивает он мою бессвязную речь. – Стой здесь, если надо – облокотись о машину.

Николас отцепляет мои руки от своего пиджака и, разблокировав автомобиль, бросает на заднее сиденье мою шубу и сумку. Я удивленно хлопаю глазами, потирая лоб. Переступаю с ноги на ногу, ощущая, как меня начинает знобить, а зубы стучат друг о друга. Николас подходит ко мне и, замечая мое состояние, выгибает бровь.

– Алкогольное отравление, – цокает он языком.

– Я...

– Пошли. – Обнимая за талию, он подводит меня к машине.

– Мне... мне...

– Закрой же ты свой рот хотя бы на минуту! – повышает он голос, и я тут же затыкаюсь и опускаюсь на пассажирское сиденье.

Потирая плечи, покрытые мурашками, пытаюсь сконцентрировать взгляд. Где-то впереди светятся и сливаются огоньки.

– Если будет плохо – скажешь, я остановлюсь. Пей! – В его руках волшебным образом появляется бутылка воды, и он бросает ее мне на колени.

– Ты грубый, – обиженно говорю я.

– Ты еще не знаешь, каким я бываю грубым, Мишель. И да поможет тебе Бог не узнать этого сейчас, – четко произносит Николас, а я закатываю глаза от его манерности.

– Переигрываете, мистер Холд, – фыркаю я и откидываюсь на спинку сиденья, закрывая глаза.

Рычание мотора, и слишком резкий старт. Во рту появляется горечь, а желудок сжимается от позывов тошноты. Охаю, закрывая лицо руками. Безумно хочется спать, но как только голова падает на плечо, я тут же вздрагиваю и открываю глаза.

– Расслабься, Мишель, – звучит голос слева от меня, и я поворачиваю голову в ту сторону.

Он красивый, даже сейчас, играя скулами явно от злости. Невыносимо сексуальный и такой вкусный.

– Ты ненормальный, – шепчу я, не понимая, что говорю это вслух.

Николас бросает на меня злой взгляд, а затем возвращается к дороге, крепче сжимая руль.

Когда он в ярости, то становится неприступным, как скалистый остров в океане. И о него так легко разбиться, если подобраться ближе...

Хихикаю от этих мыслей.

– Я с тобой завтра разберусь, когда ты будешь понимать то, что несешь, Мишель. И, поверь, тебе придется ответить за каждое движение и каждое слово, – цедит он, сворачивая к моему дому.

– Завтра я пошлю тебя к черту, – указываю я на него пальцем и улыбаюсь.

Он резко тормозит, и я чуть не лечу в лобовое стекло, но ремень безопасности спасает меня от опасного столкновения, хотя не могу припомнить, чтобы пристегивалась.

Николас выскакивает из машины и открывает мою дверцу. Он не церемонится со мной, а просто вытаскивает из машины, оставляя на улице. Взяв с заднего сиденья шубу, накидывает ее мне на плечи и вкладывает в руки клатч.

– Свободна! – машет он рукой.

– Мм... – Я теряю дар речи, продолжая дивиться его манере обращения с людьми.

Он закатывает глаза, а затем жмурится и раздраженно вздыхает.

– Мишель, в последний раз говорю, делай так, как я сказал. Иди домой! – Он складывает руки на груди и ожидает от меня каких-то действий, но их нет.

Я стою столбом и бесстыдно рассматриваю его лицо.

– Почему ты был в доме Люка? – выпаливаю я.

Николас удивленно приподнимает брови.

– Что? – переспрашивает он и делает шаг ко мне.

– Почему... зачем ты ходил на фильм? Я потеряла свой телефон в кинотеатре... А в доме Люка ты же был. Вроде был, да? И ты, а я... – Я пытаюсь вспомнить, что же хотела спросить.

– Вот поэтому тебе нельзя пить, крошка. Ты не контролируешь свои мысли, как и свое тело. Тебе надо научиться пить, – спокойно говорит он и усмехается.

– Вопрос. Я задала вопрос. Несколько, – напоминаю я упрямо.

– Если ты будешь делать так, как я скажу, то, возможно, получишь ответы. Когда-нибудь, – произносит Николас мягко, или мне это кажется. Неожиданно он касается моей щеки, и его лицо становится серьезным. – У тебя очень нежная кожа.

– Спасибо, – шепчу я, не сводя с него глаз.

Его ладонь опускается ниже и гладит мой подбородок, а я не делаю попыток воспротивиться. Мне интересно, и этот глупый интерес разрешает ему провести большим пальцем по губам, как будто стирая чужое прикосновение. Мое сердце бьется чаще, и меня бросает в жар. Лицо полыхает, но отнюдь не от стеснения. Обрывки воспоминаний врываются в мой разум.

Он нажимает на нижнюю губу, и я непроизвольно облизываю верхнюю. Оторвав взгляд от губ, он смотрит прямо в мои глаза, и дыхание перехватывает от остроты желания, которое вижу в его взгляде. Это отражение. Там я. Сумасшедшая. Опыаненная.

– Такие мягкие. Я хочу узнать, что они умеют. Покажешь? – произносит он, убирает руку и идет к машине, оставляя вопрос повисшим в воздухе. – Доброй ночи, Мишель. Перед сном прими две таблетки «Новалгина», – кивает он мне и запрыгивает в автомобиль.

А я стою посреди улицы, глядя на удаляющийся «Астон Мартин».

Что со мной произошло? Был ли Николас здесь? Как я оказалась одна на морозном воздухе? Что он хотел, чтобы я ему показала?

Ненужные мысли. Трясу головой и тут же стону от начинающейся головной боли.

Но. Было какое-то «но», я не могу сейчас понять. Что-то идет не так. Я направляюсь к дому, а разум продолжает воспроизводить этот день с самого начала. Над головой раздается гром, и я, вздрагивая, поднимаю лицо к небу.

Он, Николас Холд, ворвался в мою жизнь подобно тайфуну и снес за несколько часов все на своем пути странно правильным образом. Только почему?

Сейчас слишком сложно искать ответы. Завтра все обдумаю. Завтра, а сегодня я пьяна.

Пятый шаг

Наутро, а точнее, в три часа дня еле отрываю голову от подушки, чтобы дойти до душа и смыть с себя жутчайшее похмелье. Когда у меня было такое состояние в последний раз? Да никогда! Не помню такой огромной головы, рвотных позывов, трясущихся рук и черных точек в глазах. Я не любительница напиваться до состояния нестояния, но что-то случилось в этот раз, и мой контроль над ситуацией полетел к чертовой матери. Нарушила собственное табу.

– Ник, – шепчу, стоя под сильным напором прохладного душа.

Да, он был там. Или нет? Был, точно был, меня же привез домой именно он. Николас Холд. Ник.

Но вот что было до прибытия домой, припоминаю смутно, и отчего-то у меня нет желания даже напрягать мозги, чтобы воспроизвести все события вчерашнего вечера. Я интуитивно чувствую, что произошло то, о чем точно буду сожалеть и ощущать вину. Хотя уже сейчас червячок стыда и раскаяния пробивает подкорку головного мозга, и от этого мне крайне некомфортно.

Немного придя в чувство, я переодеваюсь в спортивный костюм и спускаюсь на первый этаж, чтобы убить отвратительное послевкусие во рту. Тело ломит, а глаза слезятся.

– Больше не буду так пить, – заверяю себя и на секунду закрываю глаза, чтобы побороть слабость и головокружение.

Удивительно, что меня унесло в астрал всего от трех стопок текилы. Это было впервые за всю мою взрослую жизнь. Объяснение я нахожу тут же – паленый алкоголь. Видимо, Люк решил сэкономить и заказал дешевую выпивку. Даже после пяти бокалов водки с тоником я не чувствовала себя так гадко, как сегодня. И это придется пережить.

Достаю из холодильника прохладную воду и лимон. Один взгляд на еду, и я готова подавить содержимое желудка фарфоровому другу.

– Дорогая!

– Почему ты так орешь, мам? – Застонав, я готовлю себе спасительный напиток.

– И это нормально, Мишель? Прекрасный вечер окончился похмельем, – отчитывает она и проходит к шкафчику с лекарствами.

Сажусь за обеденный стол и прижимаюсь щекой к стеклянной поверхности. Да, так несколько лучше.

– И, к твоему сведению, – продолжает она поучать меня, – сейчас я говорю как обычно. Даже не повышаю голоса, хотя должна бы. А тебе пора понять, что спиртное не принесет наутро ничего, кроме головной боли и несварения желудка. А также ты испортишь цвет лица, появятся пигментные пятна, целлюлит и еще много побочных действий.

Эти нравоучения я слушаю уже третий год и благополучно пропускаю их мимо ушей. По законам жанра через десять минут присоединится папа и тоже не упустит возможности вставить свои пять копеек в то, какие последствия я буду переживать лет так через пять, а уж как испорчу гены, которые они хотят видеть в своих внуках... Мама дорогая!

Прикрываю глаза, чтобы подготовиться к нотациям. В этот раз, как бы ни было отвратительно признавать, я готова выслушать их и больше так не делать. Но моему покорному повиновению и искреннему желанию раскаться не дано свершиться. Раздается грохот входной двери, и я подсказываю на месте, открываю глаза и сажусь ровно. Но тут же издаю стон от головной боли и упираюсь лбом в ладони.

Причиной шума становится папа, залетевший в столовую с бордовым от злости лицом.

– Кому-то будет плохо, – говорит он.

Не надо уточнять, что «кто-то» – это я. Только папа вряд ли уже знает, что я переживаю первое в жизни похмелье.

– Так, Мишель Пейн, объясни мне, какого черта ты творишь?! – кричит он.

Капилляры в глазах, кажется, взорвутся от громкости его голоса.

– Дорогой, что случилось? – спокойно спрашивает мама и ставит передо мной бокал с мутной жидкостью. – Пей, Мишель, это поможет. – Она пододвигает ко мне бокал и устремляет все внимание на мужа, который кипит от ярости.

Я вижу папочку в таком состоянии в первый раз. Ладно, не в первый, но так сильно выходить из себя заставляю его очень редко.

– А случилось то, что за последние двадцать четыре часа меня два раза обвинили в том, что я ужасный отец! Случилось то, что какой-то сопляк читает мне нотации о моем невнимательном отношении к собственной дочери! – Папа ударяет кулаком по стеклянному столу.

Я, удивленная его словами, успеваю подхватить спасительный бокал.

– Ничего не понимаю, – качаю я головой, отпивая неприятный напиток.

– Не понимаешь? – продолжает источать на меня свой гнев папа. – Вчера после того, как ты отправилась гулять, Николас Холд посоветовал мне тщательнее отбирать для тебя партнеров, а не подкладывать под незрелых парней с буйством гормонов, лапающих тебя у всех на глазах. Сегодня за завтраком в гольф-клубе я подошел к нему, чтобы поздороваться, а он смерил меня презрительным взглядом и осведомился о твоём состоянии. Как мне стало известно, он привез тебя вчера, и я выслушал нотации, к чему приводит женский алкоголизм. Мишель, я очень расстроен сейчас!

Постепенно до меня начинает доходить, что этот мужчина без спроса врывается в мою жизнь и откровенно портит ее, даже не стесняясь того, что он никто! Раздражение и злость перебивают мое похмелье, придавая силы. Допиваю лекарство и решительно произношу:

– Этот Николас Холд меня преследует, папа. Он маньяк. Сначала он каким-то образом заполучил мой потерянный телефон, затем имитировал мое спасение из лап Зака. А у меня, между прочим, было все под контролем, я умею постоять за себя. Дальше появляется на вечеринке у Люка. Как он смог узнать о ней и попасть туда? Он следит за мной. Он просто болен.

– Дочь, – папа вздыхает и устало трет лоб, – я бы поверил в это все, если бы мы говорили об обычном студенте. Но это Николас Холд, он не станет заниматься глупостями и делать то, о чем ты здесь говоришь. Тем более преследовать тебя ему нет смысла. Холду не двадцать и даже не двадцать четыре. И он мне ясно дал понять, что не поощряет твоего поведения, и открыто обвинил меня в том, что я уделяю тебе недостаточно внимания. А «W.H. International Corporation» идеальный инвестор для нашей компании. От него зависит моя карьера и твое благополучие тоже, как твоей матери и сестры!

– А как Ник связан с «W.H.»? – недоуменно спрашиваю я о самой мощной в Канаде, да, пожалуй, и в мире, корпорации, занимающейся грузоперевозками, лизингом, промышленностью и строительством. Многие студенты моего университета мечтали о практике там, но это было нереально.

– По неофициальным данным, Николас Холд руководит сознанием Райли Вуда и его деньгами. Как он скажет, так и будет, словно он и есть владелец этой компании. Вуд всегда советуется с ним по поводу вложений и приобретений, хотя Холд даже не работает в корпорации. Но это только поговаривают. Холд ведет удаленную от светских раутов жизнь, лишь иногда появляется на благотворительных вечерах, но его невозможно поймать, и мало кто знает его в лицо. А ты, Мишель, опозорила меня перед ним, а значит, и перед Вудом. Он донесет все ему. Ты хоть представляешь, как я сейчас себя чувствую? – Отец красноречиво смотрит на меня, а я недовольно поджимаю губы.

– Но он действительно следит...

– Довольно, Мишель. Я не намерен больше слушать эти глупости. С сегодняшнего дня ты под домашним арестом. С меня хватит! Больше никаких вечеринок, мальчиков и поездок

за город. Учеба, курсы, дом – это твоя жизнь на ближайшую неделю. Дальше посмотрим. От тебя одни проблемы. – Он тычет в меня указательным пальцем.

– Но папа! – возмущаюсь я и подсказываю.

– Никаких «но папа». Иди к себе, Лидия принесет тебе обед, а я отправляюсь разгрести дела в офисе. И убеждать Вуда о вложениях, доказывать ему, что я хороший отец и моя дочь воспитанная девушка, а не алкоголичка, которая выдумывает глупости! – Яростно посмотрев на меня и маму, отец разворачивается и направляется к выходу.

– Мишель, – с укором произносит мама.

– Мам, но я говорю правду, – обиженно отвечаю я.

– Тебе, возможно, показалось. В твоём возрасте хочется, чтобы все мужчины обращали на тебя внимание. Но так не бывает. Ты придумала это. И мы должны благодарить Холда, что он привез тебя домой в целостности и сохранности от твоего Люка. Я говорила, что не следует заводить отношения с подобными парнями. Молодежь сейчас пошла очень распущенная и неуправляемая, а ты из высшего круга, поэтому отец прав. Ступай и отдохни, от тебя воняет перегаром, и выглядишь совершенно неподобающе, – отчитывает она меня. – Не могу смотреть на тебя. Я буду в салоне, а затем у меня ужин с девочками.

Я зло хватаю бутылку воды и направляюсь на второй этаж, громко топая.

Какого черта он лезет в мою жизнь? Кем он себя возомнил, урод?!

Меня трясёт от негодования, за что расплачивается моя дверь, с грохотом закрывшаяся за мной. Никогда не была под домашним арестом, даже в шестнадцать. Наоборот, меня не трогали. Папе было откровенно все равно: пью или нет, где пропадаю и что делаю. Главное, чтобы меня не забрали в полицию или я не совершила иные вещи, которые порочили бы его имя. Обещала, что такого никогда не произойдет. Обидно до слез. Но их, как назло, не было. С силой пинаю стул, который падает на пол.

Сажусь на постель и беру телефон. Так этот козел ещё и звонил мне. Моей ярости нет предела, а я не знаю, куда её выплеснуть, и растираю лицо ладонями, чтобы хоть как-то утихомирить себя.

Решив, что сейчас я ничего не сделаю и это наказание совершенно не отличается от моей обычной жизни, немного остываю. Достāju ноутбук и открываю страничку в Фейсбуке, затем вбиваю в поисковике имя этого наглого лгуна, но ничего не нахожу. Кажется, что такого человека не существует, а вот его друг популярен.

Мое нутро жаждет мщения, жестокого мщения. Телефон подает признаки жизни, и я перевожу взгляд на него.

– Да пошел ты, урод, – фыркаю я, сбрасывая звонок.

Но это повторяется ещё два раза, а я продолжаю игнорировать звонившего.

Что ему вообще от меня надо? Он меня преследует, и пусть родители не верят, но это так. И то, что Николас Холд звонит уже в пятый раз, подтверждает мои слова. Но, конечно, они скажут, что я ему просто навязалась или забыла в его машине что-то. Да ещё и прикажут улыбаться ему, зацепятся за мои слова. А это самое страшное для меня. Поэтому умолчу.

Через полчаса приходит сообщение, и я недовольно открываю его.

+1 (647) 9466777:

Злишься. Не стоит, Мишель, это только усугубит твоё положение. Я желаю тебе добра и хочу уберечь тебя от последствий.

Хочется кричать от этой наглости. Быстро набираю ответ:

ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ! ОСТАВЬ МОЮ ЖИЗНЬ В ПОКОЕ, ЗАЙМИСЬ СВОЕЙ, НЕВИДИМКА ЧЕРТОВ.

Довольная собой отправляю послание и тут же отключаю телефон. На всякий случай. Оставшийся день провожу, лежа на постели и болтая с Сарой, которая рассказывает мне занимательные вещи о том, что вчера было и как зол Люк.

Вот этого еще не хватало, он мне нравится, и с ним удобно, а из-за какого-то придурка мы расстались. Придется исправить положение завтра.

С этими мыслями я засыпаю, до сих пор переживая отголоски похмелья.

Утро начинается как обычно: отец отсутствует, мама спит. Сестра издевается надо мной, припоминая мое наказание. Я фыркаю и, позавтракав, направляюсь в университет.

Встретив в коридоре одного из корпусов Сару, бросаю ей, что хочу найти Люка перед парой. Ее не воодушевляют мои слова. Подруга считает, что этот парень мне не подходит, что я достойна лучшего, но... не хочу заводить отношения с кем-то из нашего круга. Сара знает меня лучше других и не хочет понять, как мне необходимо быть обычной. Люк идеально подходит под мои критерии. Он не так богат, как наши с Сарой семьи. Он из обычной семьи с достатком чуть выше среднего и старается зарабатывать сам. Это меня в нем и привлекло – самостоятельность.

Нахожу Люка в кругу друзей-футболистов. Улыбаясь, подхожу к компании и дотрагиваюсь до его плеча. Он резко оборачивается и сбрасывает мою руку.

– Чего тебе? – цедит он.

– Хочу поговорить, – виновато произношу я и бросаю взгляд на ребят, прячущих улыбки.

– Нам не о чем говорить после субботнего вечера. – Он передергивает плечами и отворачивается.

– Слушай, прости. Я напилась и вообще не помню, что было, – лгу я.

– Идите, сейчас приду. – Он кивает парням, чтобы оставили нас, и те со смешками уходят.

– Люк, – я беру его за руку и тем самым заставляю посмотреть на меня, – правда, прости.

Мы же не расстаемся из-за этого недоразумения?

– Недоразумения?! – шипит он, сужая глаза. – То, что тебя чуть не трахнул в моем доме какой-то урод, да еще и унизил меня на глазах у всех, а ты позволила это, называешь всего лишь недоразумением?

– Я была пьяна, – оправдываюсь я, пожимая плечами. – Ну ладно, если не хочешь...

Только разворачиваюсь, чтобы уйти, как он хватается за талию и прижимает к себе.

– Я приревновал. Сильно приревновал, он целовал тебя в шею, а тебе нравилось это, – шепчет он мне на ухо.

– Наверное, я думала, что это ты, – продолжаю беззастенчиво врать.

– Правда? – недоверчиво переспрашивает Люк.

– Конечно, – уверенно заверяю я и улыбаюсь ему. – Я совершенно не помню, кто там был. Видимо, текила слишком ударила в голову. Я ведь сбежала именно к тебе.

– Ты знала, как его зовут. Николас, – прищуривается он, пытаясь поймать меня на лжи.

– Боже, какой ужас, – имитирую я испуг. – У него какие-то дела с папой, я не в курсе. И даже не представляю, что он там делал. Правда.

– Джексон говорит, что мы с тобой разные. Ты богатая девочка, а я всего лишь учусь на стипендию от футбольной команды. И это меня волнует. – Люк тяжело вздыхает и опускает глаза.

– Какая разница, дорогой? Я ни разу не упрекнула тебя, да и не требую ничего. Ты мне нравишься просто так, потому что ты интересный, веселый и замечательный, – ласково говорю я, дотрагиваясь до его щеки.

– А этот... он богатый. Если твой отец захочет, то ты будешь с ним. Один его костюм...

– Не надо. – Я прижимаю палец к его губам и заставляю замолчать. – Он никто, избалованный наглый придурок, считающий, что ему все должны. Ты в разы лучше его, поверь. И мне никто ничего не прикажет. Я сама выбираю тех, с кем встречаюсь. Я выбрала тебя.

– Хорошо, я прощаю тебя, но не хочу, чтобы ты с ним общалась, – ставит он условие. Смеюсь от облегчения.

– Боже, Люк, я его даже не знаю. Встретились на вечере первый раз.

Теперь мне можно давать премию как лгунье года, но что поделаться, иначе я могу потерять этого парня. С ним можно быть простой и свободной, о чем я и мечтаю.

– Мы опоздаем, а мне нельзя пропускать занятия. – Люк берет меня за руку и ведет по коридору.

– Может, пообедаем вместе? У меня перерыв с четырех до шести, перед курсом психологии, – предлагаю я, пока он провожает меня к моей аудитории.

Но Люк отрицательно качает головой.

– У меня тренировка до шести, а потом смена в баре.

– Тогда напиши мне, ладно? – Я останавливаюсь перед аудиторией.

– Хорошо, Миша, я... в общем, ты знаешь, как я отношусь к тебе. Я хочу быть с тобой и готов прощать тебя. – Он быстро чмокает меня в щеку и уходит.

Когда-нибудь мое сердце дрогнет от его слов? Или я всегда буду такая запрограммированная и неживая?

Захожу в аудиторию и плюхаюсь на место рядом с Сарой.

День выдается тяжелым, и мой мозг просто вскипает от напряжения. Подруга уходит раньше на свидание с новым ухажером, и я отправляюсь обедать одна.

Не успела я открыть дверь автомобиля, как до моего плеча кто-то дотрагивается. Вздрагиваю от испуга и оборачиваюсь, удивленно глядя на высокого мужчину в черном костюме. Холодные голубые глаза незнакомца не выражают ни единой эмоции и пугают меня до жути.

– Да? Вы что-то хотите? – Я делаю шаг назад.

– Мисс Пейн, вас ожидают. Прошу пройти со мной, – сухо произносит он, а я сглатываю от неприятного ощущения.

– Кто?

– Мистер Холд.

После этих слов весь страх улетучивается, оставляя лишь раздражение.

– Мистер Холд, значит, – тяну я. – Передайте этому человеку – пошел он в задницу.

– Мисс, мне бы не хотелось это передавать ему, поэтому прошу вас... – Его интонация меняется, и теперь он пытается давить на меня.

– Не хотите? – Я задыхаюсь от наглости этих слов, а он кивает.

– Мне придется применить силу, – продолжает мужчина, делая шаг ко мне.

– Вы совсем рехнулись? Нет! Если прикоснетесь ко мне, то я заявлю на вас. Вы совершенно не представляете, кто я такая, чтобы со мной так обращаться и приказывать мне! – возмущаюсь я и пытаюсь сесть в машину.

– Мишель... – доносится до меня знакомый голос, и я замираю.

Медленно поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с карими глазами.

Передо мной стоит Ник в классическом темно-синем костюме и не мигая смотрит на меня. Властный и настойчивый урод!

– Я тебе ясно сказала, отвали от меня, – зло шиплю я, делая шаг в его сторону.

– Да, твои орущие буквы намекали на это, но...

– Никаких «но», – перебиваю его, чем вызываю секундное удивление. – Что ты хочешь? Ты портишь мою жизнь, преследуешь меня, говоришь... я не понимаю.

– Не кричи, крошка, я хочу пригласить тебя на обед, ты ведь и собиралась пообедать, – спокойно произносит он.

Прищуриваюсь, ища подвоха. Но Николас расслаблен, и это меня раздражает, я ведь готова вспыхнуть как спичка, а ему хоть бы хны.

– Нет, – резко отвечаю я.

– Что ж, тогда мне придется снова посоветовать твоему отцу, чтобы он больше уделял внимания твоему воспитанию. – Уголки губ нагло приподнимаются.

Я сжимаю кулаки.

– Какого черта?! Прекрати это! – вскрикиваю я.

– Один обед, – заверяет он и забирает у меня ключи от «Ауди».

– Что ты... – шепчу я, обескураженно наблюдая, как он захлопывает дверцу моей машины и блокирует ее.

– Я голоден. Составишь мне компанию? – как ни в чем не бывало продолжает Николас, возвращая мне ключи.

– Хорошо, только объяснишь, зачем ты ходишь за мной, – ставлю я условие, и он довольно улыбается, указывая рукой вперед.

– Поедем на моей.

Николас идет к внедорожнику, припаркованному неподалеку.

– Не волнуйся, я верну тебя на занятия, – произносит он, оборачиваясь ко мне.

– Хватит копаться в моей жизни, – устало вздыхаю я и запускаю руку в волосы, пропуская их сквозь пальцы. Я всегда так делаю, когда сильно волнуюсь, к сожалению, многие принимают это за попытку флирта.

Мои движения приковывают взгляд Ника. Он, как коршун, следит за мной. Я быстро прекращаю это занятие.

Нахмурившись и больше ничего не говоря, он направляется в сторону машины. Мне ничего не остается, как последовать за ним. Его шофер открывает мне заднюю дверь и предлагает руку, на которую я даже не обращаю внимания и забираюсь в кожаный салон. Ник через несколько секунд располагается рядом.

Я должна разобраться с ним и вернуться в свою жизнь, где ему нет места. Мне необходима моя размеренность и уверенность в завтрашнем дне. А этот мужчина ломает весь мой распорядок, и сегодня я с ним попрощаюсь навсегда. Должна, как бы ни был он интересен.

Шестой шаг

Мы едем, храня молчание. Ощущаю тепло, исходящее от мужчины, сидящего рядом. Концентрируюсь на вопросах, которые хочу ему задать, но, черт возьми, не могу этого сделать. Почему я теряюсь, когда он рядом? Что за невероятное помутнение рассудка?

Машина останавливается у башни «Telus Tower». Шофер выходит первым, открывая дверь для Ника, а затем Холд предлагает мне руку, чтобы помочь выйти. Демонстративно игнорирую его помощь и выпрыгиваю из салона.

– Будь здесь, – бросает Ник шоферу и поворачивается ко мне. – Пошли. – Он пропускает меня вперед, а сам следует на расстоянии, как будто показывает мне, что его не следует бояться.

Мы входим в лифт. Он нажимает на кнопку с цифрой тридцать. Только сейчас замечаю, какие у него красивые пальцы. Идеальные мужские холеные руки с красивым загаром и выступающими венами. Нервно переступаю с ноги на ногу. Мне кажется, Ник это замечает и улыбается.

– Ты была уже в ресторане «Aria»? – интересуется он.

– Нет, еще не успела, – вежливо отвечаю, понимая, зачем мы тут. Я слышала об открытии модного дорогого ресторана с панорамой Торонто, но не желала посещать его, выбирая для расслабления недорогие и уютные кафешки. А Холд решил показать мне свою значимость. Купить меня, одним словом.

– Тебе понравится, очень гармоничное место, спокойное и малолюдное в это время дня, – продолжает он вести светскую беседу.

Нетерпеливо смотрю на меняющиеся цифры этажей, желая побыстрее выбраться из закрытого пространства. Мне неуютно находиться тут рядом с ним. Я ощущаю аромат его туалетной воды, на который отзывается каждая клеточка тела, а перед глазами так не вовремя мелькают события той ночи.

Наконец дверцы открываются, и Ник пропускает меня вперед, делая шаг в сторону. Буквально вылетаю из лифта, быстрым шагом подхожу к гардеробной. Сдав свое пальто, мой кавалер неожиданно перехватывает у меня номерок и бросает его в карман своего пиджака. Этим он сразу обозначает, кто тут главный. Я это проглатываю, стараясь не ругаться хотя бы по таким пустякам. Но это не означает, что я не потребую от него объяснений.

Нас встречает ухоженная блондинка, расплываясь перед Ником в улыбке. Меня она даже не замечает, а точнее, специально игнорирует. Я закатываю глаза.

– Мистер Холд, мы рады видеть вас снова, ваш столик готов, – томно произносит разукрашенная девушка, хлопая накладными ресницами, и он ей широко улыбается.

– Благодарю, Шанна, ты, как всегда, точно знаешь, что я хочу.

Черт возьми, он беззастенчиво флиртует с ней, не смущаясь даже моего присутствия. Меня возмущает такое отношение! Становится неприятно и обидно, что он обращается со мной как с пустым местом.

Девушка тут же краснеет и, неуклюже подхватив меню, ведет нас мимо столиков. У меня уже пропадает аппетит, но я останусь только для того, чтобы высказать ему все, что думаю о нем с момента первой встречи, используя при этом ненормативную лексику.

Должна признать, это место и правда красивое и уютное. Необычная легкость интерьера и интересные люстры делали ресторан запоминающимся.

Ник останавливается у дальнего столика, рядом с панорамным окном и приглашает меня сесть, отодвигая стул. Кивком сухо благодарю его. Оставив меню, девушка удаляется, бросив обожающий взгляд на Ника.

– Она к тебе равнодушна, – как бы невзначай замечаю я, читая меню.

– Я упоминал, что мимо меня нельзя пройти, – самодовольно заявляет он.

Поднимаю голову, чтобы смерить его презрительным взглядом.

– Много заплатил за такое самомнение? – хмыкаю я.

– Это врожденное. Не волнуйся, если хочешь, я научу тебя. – Он не перестает улыбаться. – Выбирай, или могу сделать заказ за тебя?

– Делай! – Складываю руки на груди, бросая ему вызов.

Ник изгибает бровь, давая понять, что я выгляжу глупо, и моментально поднимает вверх левую руку, не сводя с меня глаз. Растягиваю губы в улыбке и удерживаю его взгляд. Неужели угадает?

Вот что меня в нем интересует. Он всегда смотрит в глаза, когда говорит, наблюдает за реакцией и оценивает каждого человека именно по взгляду.

– Добрый день, мистер Холд, я готов принять у вас заказ. – Молодой мужчина улыбается и заискивающе смотрит на него, а меня удостаивает мимолетным взглядом.

– Девушке «Цезарь» с лобстером и равиоли с шампиньонами, воду без газа с лимоном охлажденную, но нехолодную. Мне салат «Капрезе» с «Моцареллой Буффало» и фирменную «Тальятелле» от шефа, свежевыжатый апельсиновый сок и воду без газа, – не глядя в меню, уверенно произносит Ник.

Официант кивает, забирая у нас меню, и удаляется.

Опустив взгляд, я улыбаюсь. Мне нравится то, что он заказал. Странно и интригующе.

Мне необходимо сейчас думать в ином ключе, поэтому я оглядываю ресторан и отмечаю, что кроме нас вообще никого нет. Звучит ненавязчивая спокойная мелодия, и я немного расслабляюсь.

– Ты обещал рассказать, зачем преследуешь меня и ломаешь мне жизнь, – нарушаю я молчание.

– Верно, обещал, – кивает он. – Скажем так, ты меня сильно заинтересовала, Мишель. Очень сильно.

– Мило, – усмехаюсь я такому заявлению. – Только у меня есть парень, и ты меня не интересуешь, Ник.

– Николас, – поправляет он меня.

– Ник, – уперто отвечаю я.

– Николас, – уже жестче говорит он.

– Ник, – широко улыбаюсь и понимаю, что ему не нравятся сокращенные имена. Это заставляет мою кровь бурлить.

– Ты специально задеваешь людей, делая все наперекор им. Зачем? – Он склоняет голову набок и ожидает от меня ответа.

– С чего ты взял, Ник? – делаю ударение на его имени и ядовито улыбаюсь.

– Сделал выводы, полагаясь на наше недолгое знакомство, – спокойно отвечает он. – Вернемся к твоему парню, как я помню, бывшему.

– Ошибаешься, сегодня я попросила у него прощения за свое недостойное поведение, и мы снова вместе. – Я довольно растягиваю слова. – Тем более я была слишком пьяна, чтобы понимать, кто рядом со мной. Я представляла его.

Николас облокачивается о стол и изучающе рассматривает меня, потирая подборок. Становится некомфортно от такого внимания, и появляется желание нагрудить или спрятаться под столом. Ощущение, словно он хочет проникнуть в мою душу. Уличить меня во лжи.

– Что мне с тобой делать, крошка?

Это риторический вопрос, и я удивленно приподнимаю брови.

– Отстать, – предлагаю я.

– Ты этого не хочешь, хотя яростно кричишь об обратном. Ты меня заводишь. То, как ты смотришь на меня, не отводя глаз, как ты откликаешься на мои ласки... Ты играешь во взрослую жизнь, а когда она касается тебя, пытаешься бежать. Только от меня тебе не скрыться,

потому что я готов показать тебе, что такое реальность. – Его голос завораживает и одновременно таит в себе некую недосказанность.

– Мне девятнадцать, и это нормально – пробовать что-то новое. Но к счастью, моя жизнь полноценна без твоего вмешательства, поэтому я прошу тебя не преследовать. И также прекратить третировать своими советами моего отца. Ты создаешь мне проблемы, – довольно грубо отвечаю я и отворачиваюсь к окну, не желая смотреть на него.

– Я лишь говорю то, что вижу. А твоему отцу полезно проводить с тобой время, тебе его не хватает, – продолжает он.

Сглатываю от неприятного чувства тревоги внутри.

– Ты не имеешь права...

– В ту ночь ты дала мне все права, Мишель, – нагло обрывает он мое шипение, и я резко поворачиваюсь к нему.

– Я не понимала, что делала в ту ночь. Много выпила, – холодно произношу я, с вызовом глядя в его спокойное лицо.

– Врешь. Ты сама себе врешь, Мишель. Алкоголь лишь помог тебе. Вспомни, в моих руках ты отдаешься полностью ощущениям, твои губы пересыхают, как сейчас, твое сердце бьется быстрее, и ты открываешься полностью, только твой страх не позволяет тебе быть настоящей. А я наблюдал за тобой весь день. Сначала передо мной была наглая студентка, затем примерная дочь, а ночью твое лицо сказало мне, что ты готова попробовать на вкус мою жизнь, – рассуждает Николас, а я поджимаю губы от недовольства.

Он не имеет никакой власти надо мной, как и прав вот так раскладывать мою жизнь по полочкам, как психотерапевт. Он вообще ни на что не имеет права!

– Я была пьяна. Это ничего не значит. Для меня ничего не значит. Понял? – парирую я. Раз хочет бороться со мной, то он получит то, на что напоролся. За последствия я не отвечаю.

– И снова ложь, крошка, – усмехается он, – под воздействием алкоголя ты раскрепостилась и позволила себе чувствовать. А сейчас ты обманываешь, себя прежде всего. И я не советую тебе продолжать эту практику. Алкоголь сильно вредит твоему здоровью. Тем более спиртное, которое ты пила, было некачественным.

– Хватит! – резко обрываю его. Нотаций и дома мне вполне достаточно. – Тебя не касается ничего, что связано со мной. Мне плевать на тебя, это ты прицепился ко мне, Ник. В чем твоя проблема?

– Ты моя проблема. Твоя чувственность, врожденная сексуальность, молчаливый призыв к решительным действиям. Черт, ты хоть понимаешь, как действуешь на мужчин? Ты раздражаешь себя не тем людям, Мишель. Ты достойна наслаждения, а не второсортного продукта вроде твоего парня. Ты ничего не чувствуешь к нему, но держишься за него из последних сил. Я знаю почему. Потому что ты боишься получить большее, тебе необходим адреналин. В этом мы с тобой похожи. Я могу подарить тебе это, а ты откроешь в себе новую сторону. В чем твоя проблема, крошка? Зачем противиться себе и мне, если мы оба знаем, что ты точно будешь в моих руках?

Его самоуверенность и возбуждающий голос обескураживают меня. Я глупо моргаю и смотрю в его глаза, где прячутся странные и непонятные эмоции.

– Ты что, меня на секс разводишь? – возмущенно цежу я, подаваясь вперед.

– Боже, как с тобой сложно. Откуда у тебя такие мысли? Я никогда никого не развожу, как ты выразилась, тем более на интимную близость, Мишель. Она меня не интересует. – Он жмурится и потирает пальцем висок.

– Я не понимаю тебя, прости. Совершенно не могу понять, зачем ты говоришь это. Почему... – Я замолкаю, краем глаза замечая, что к нашему столику направляется официант.

А я готова уже бежать, и снова необъяснимые импульсы оживают в теле. Хочется плакать и одновременно ударить что-то, точнее, кого-то. Эта близость... его близость ломает все мои

представления о нормальной жизни. В мои планы не входит интрижка с невидимкой, о котором ходят только слухи. Да и неприятно осознавать, что я для него как открытая книга. Откуда ему столько известно обо мне? Даже то, что я скрываю?

– Приятного аппетита, – с улыбкой желает нам официант и удаляется.

– Мишель, подними голову, – тихо просит Ник.

Упрямо игнорирую его, раскладывая салфетку на коленях. Затем втыкаю вилку в лист салата и пробую его на вкус.

– Крошка, я не хотел тебя оскорбить. В мои планы не входит спорить с тобой или же унижать. Наоборот, я хочу подарить тебе заботу, в которой ты нуждаешься. Я понимаю, что ты воспринимаешь все мои слова в штыки, и в силу своей неопытности ты потеряна. Но я дам тебе время, ты сможешь узнать меня ближе, если захочешь. Этот разговор останется только между нами. К тому же я ничего не буду делать против твоего настоящего желания, которое вижу.

От этих слов я поднимаю голову и упираюсь в бархатную бездну глаз.

– Ты ошибаешься, – тихо произношу я, опуская взгляд на его темно-синий галстук в черную полоску. – Ты не знаешь меня, и я...

– И вновь лжешь, – властно перебивает он меня. – Мы пока оставим эту тему, а то ты опоздаешь на занятия. Принимайся за еду.

Не хочу есть, не хочу сидеть с ним за одним столом, только скрыться от него, от этих цепких лап, потому что интуиция сжимает мое сердце и я не могу ровно дышать. Но лучше быть занятой обедом, чем разговором с ним.

Ник сделал прекрасный выбор, я наслаждаюсь едой и тишиной. Он исподволь наблюдает за мной, ожидая моего прокола или взрыва. Не подарю ему этого. Как только вернет меня в университет, попрощаюсь с ним, как и намеревалась.

Парадокс: он пугает меня своей настойчивостью, и я понимаю, что мне это нравится. Мои защитные барьеры с громким треском ломаются, и это плохо, это чертовски плохо.

– Расскажи мне о себе, – нарушает он тишину, когда я откладываю приборы.

– Ты и так все знаешь, – бурчу, беря бокал с водой. Откуда он знает, что я пью именно воду с лимоном?

– Мишель, хватит дуться. Ты хочешь быть взрослой, так не веди себя как ребенок. Я задал вопрос, ты отвечаешь. Это у нормальных и воспитанных людей называется диалог, – с расстановкой объясняет он, как отсталой. Посылаю ему раздраженный взгляд, а его идеальные губы растягиваются в улыбке.

– Я тоже задавала тебе вопросы, но ты их проигнорировал, – упрекаю его.

– Я отвечу на них, обещаю, только всему свое время, крошка. – Он продолжает улыбаться.

Черт, я снова пялюсь на его губы, а затем глубоко вздыхаю и перевожу взгляд на свои пальцы, играющие с ножкой бокала.

– Что ты хочешь знать? – сдаюсь и вопросительно смотрю на него.

– Чем ты живешь? Что ты любишь? Как проводишь свободное время? – подсказывает он, и я начинаю хмуриться, обдумывая свою речь.

– Ты копался в моих данных? – неожиданно даже для себя спрашиваю я.

– Да, – без тени стыда отвечает он.

– Тогда ты знаешь дату моего рождения, мою группу крови, кто мои родители, мою сестру ты видел, где я учусь, тоже для тебя не новость. Люблю фотографировать, в шестнадцать подруга подарила мне фотоаппарат, и я увлекалась этим, обожаю портретную черно-белую съемку... – Вспоминая хобби, я улыбаюсь, и Ник ободряюще отвечает мне тем же.

Я уже чувствую, что напряжение отпускает меня, и могу свободно говорить с ним о своей жизни.

– Почему именно черно-белую? – интересуется он, потягивая апельсиновый сок.

– В ней есть таинственность, некая недосказанность, и мне нравятся оттенки серого, ведь на фото присутствуют только два цвета: черный и белый, а остальное – это производные. И удивительно, насколько их много, изображение становится чем-то большим, чем обычный щелчок фотоаппарата. И когда я пересматриваю такие фото, будь то человек или природа, это как будто... знаешь, воспоминание, имеющее свою историю, она живая и реальная. У нее есть продолжение, есть прошлое и будущее, – возбужденно заканчиваю свой монолог, а затем смущаюсь такой открытостью и опускаю голову. Никогда не делилась этими ощущениями, и то, что он так просто вытянул их из меня, начинает меня раздражать.

– Не надо этого делать, Мишель. Мне понравилось, с какой страстью ты говорила, это завораживает. Сейчас ты была собой. – Он произносит это мягко и даже нежно.

Я недоверчиво поднимаю голову, дабы убедиться в этом. Его глаза ласкают меня, и мне нравится такая перемена в нем.

– А ты? – спрашиваю я.

– Нет, я не люблю фотографировать. – Николас смеется, и это тоже для меня в первый раз. Его смех настолько чистый и заразительный, что я не могу сдержать улыбки. В уголках его глаз появляются мимические морщинки, и это его очеловечивает, делает смертным, а не мраморной греческой статуей.

– Я имела в виду, это правда, что ты имеешь отношение к корпорации «W.H.» и твое слово для Райли Вуда решающее?

Настроение Николаса резко меняется, и теперь вместо улыбки холодная маска.

– Зачем тебе это? – грубо спрашивает он и впивается в меня глазами.

– Папа сказал, и мне стало интересно, – тихо произношу я.

Что-то происходит с ним, потому что он смотрит на меня зверем, и мне становится страшно, действительно страшно за то, что я спросила. Почему он так реагирует?

Мое сердце громко колотится. Стараюсь не оглохнуть от этой птицы внутри. Его глаза превращаются в мрачную зловещую темноту, и я начинаю непроизвольно потеть.

– Спасибо тебе за обед, но мне пора, – быстро говорю я, только бы убежать от него, только бы скрыться от его глаз.

Торопливо достаю из сумки кошелек, но мужская рука накрывает мои трясущиеся пальцы, и я замираю.

– Прости, крошка, – раздается шепот рядом с ухом.

Я даже не заметила, как он встал и подошел ко мне.

– Все нормально, – натянуто улыбаюсь я, но он берет мой подбородок двумя пальцами и поворачивает лицо к себе. Теперь я тону в этих обжигающих глазах. Никогда бы не подумала, что карий цвет произведет на меня такое впечатление.

– Я не хотел тебя пугать, – тихо говорит он.

– Все хорошо, просто мне правда пора. – Я слышу в своем голосе оправдание, но мне все равно. Мне необходимо покончить с этим.

– Нет, Мишель, ты испугалась и вновь бежишь. Я не хотел. Понимаешь, первый раз я потерял контроль над собой. Нет, не несколько минут назад, а еще раньше, когда ты была честна передо мной. Я залюбовался тобой и хочу видеть такую тебя чаще. И больше не доставай при мне свой кошелек, это вульгарно даже для тебя, крошка. Показывай свою самостоятельность тем, кого обманываешь. Не мне, я вижу иное. – Он нежно улыбается и большим пальцем поглаживает мой подбородок.

Страх отпускает меня, и я просто киваю.

Ник выпрямляется в полный рост и подзывает официанта, а я вновь пытаюсь собраться с мыслями. Откуда у него такая власть? Он может одновременно вызывать противоположные ощущения, это путает меня. Он похож на лабиринт, ты только видишь выход из него, а это, оказывается, очередной тупик, и ты блуждаешь по нему, испытывая жажду и теряясь в темноте.

– Мишель, мы можем идти.

Неуверенно киваю и понимаю, что до сих пор крепко держу в руках кошелек. Наверное, я выгляжу глупо. Тут же пихаю его в сумку и встаю.

Ник берет меня за руку и улыбается, не обращая внимания на надоедливую блондинку, бросающую нам вслед слова благодарности и прощания. Этот жест меняет все вокруг, Николас как будто открывается передо мной.

Он помогает мне надеть пальто и, подняв волосы, касается кожи на затылке, отчего мое дыхание тут же сбивается, и я нервно делаю шаг от него.

– Спасибо, – выдыхаю я и застегиваю пуговицы.

Ник не придает значения моему состоянию и, пребывая в расслабленном состоянии, нажимает на кнопку вызова лифта.

– Я рад, что ты согласилась, мне очень понравилось, – неожиданно произносит он, и я улыбаюсь, не произнося ни слова.

Мы подходим к машине, и он распахивает передо мной дверь, вновь предлагая руку, но из-за своего желания быть самостоятельной я забираюсь на заднее сиденье без помощи Ника, отчего его лицо мрачнеет, и он сжимает губы, закрывая дверцу.

– Майкл, к университету, – бросает Ник и достает из кармана переднего сиденья айфон.

Я отворачиваюсь к окну, и мы снова продолжаем хранить молчание, пока из колонок доносится успокаивающая классическая музыка.

– Не отключай больше телефон, Мишель. Отвечай на мои звонки и сообщения, – говорит он. Я только хмыкаю. – Иначе мне придется навестить тебя. Думаю, твой отец будет в восторге, – ехидно добавляет он и становится снова для меня ненавистным субъектом.

– Да пошел ты, – бурчу себе под нос, не поворачиваясь.

– Мне показалось, или ты действительно меня послала?

– Не показалось, – резко отвечаю я.

– Мишель, не играй с огнем. – В его голосе появляются стальные нотки, от которых мне не по себе.

– В машине есть огнетушитель, это предусмотрено правилами дорожного движения и сервисом, – ядовито произношу я.

Он ничего не отвечает, а просто игнорирует меня, давая указания своему водителю, который заученно и односложно ему вторит.

Это последняя наша встреча, в этом я теперь не сомневаюсь, и плевать я хотела, кто он и на его глупые угрозы. И на реакцию моего тела тоже плевать.

Машина плавно останавливается недалеко от парковки. Не медля ни секунды, выскакиваю из салона, хлопая за собой дверцей со всей силы. Мои быстрые шаги повторяют биение сердца, но Ник хватает меня за локоть, я теряю равновесие и падаю прямо ему на грудь.

– Еще раз так сделаешь, я тебя...

– И что ты сделаешь? – перебиваю я его и зло смотрю в горький шоколад его глаз, которые изводят меня, не дают покоя и заставляют дрожать.

Он хватается за волосы и наклоняется, наши губы слишком близко, едва не касаются. Чувствую, что он зол, чертовски зол на меня, у меня такие же эмоции, и я не скрываю их, с вызовом смотрю на него.

– А теперь соври мне, что между нами ничего нет. Соври, что ты не возбуждена и не хочешь видеть меня... Выдумай новую сказку для себя, насколько силен алкоголь в твоей крови до сих пор. Ну же, Мишель, соври мне! – рычит он.

– Отвали. От. Меня, – четко говорю я.

Ощуаю его прерывистое горячее дыхание на своих губах, и злость в его глазах сменяется чем-то иным. Зрачки расширяются, я вижу себя в их отражении. Меня трясет от него.

– Молодец, прекрасная ложь, – уже спокойней произносит он и склоняется к моему уху. – Буду ждать новой встречи, крошка. Думай обо мне, как я о тебе.

С этими словами он оставляет на моей щеке легкий поцелуй и отстраняется, не дав мне ответить, да и вообще сообразить. Я обескуражена. Смотрю, как он быстрым шагом идет к своей машине, а я остаюсь в холодном мире, без его тепла. Моя рука непроизвольно дотрагивается до щеки. Лицо полыхает, как и все внутри.

Седьмой шаг

– Я дома, тюремщики! – громко кричу с порога, снимая ботинки и сбрасывая пальто.
– Мишель, добрый вечер, – мне навстречу идет наша домработница Лидия, и я улыбаюсь ей.

– А где все? – спрашиваю ее и направляюсь на кухню.

– Мистер и миссис Пейн на деловом ужине с партнерами, Тейра куда-то уехала, она не поставила меня в известность. Твой отец сказал, что я должна тебя встретить, накормить и никуда не выпускать. – Лидия виновато поджимает губы.

Горько усмехаюсь и подхожу к раковине, чтобы сполоснуть руки. Мы молчим. У меня нет желания сейчас что-то обсуждать, а Лидия слишком хорошо меня знает, чтобы надоедать ничемным трепом. Ощущаю неприятную пульсацию в висках и начинаю их массировать, закрывая глаза.

Сегодня был сумасшедший день, и я не справляюсь с потоком информации. На меня накатывают волны различных эмоций. Все, что ново, пугает, а я заиклена на стабильности и четком графике жизни. Удивительно, что этот дисбаланс я ощущаю только из-за одного человека. Мужчины, о которых раньше я думала как о ползающих насекомых.

Честно пытаюсь не анализировать наш обед с Ником и его слова, углубляясь в лекции. Но сейчас, когда я одна, эти пиявки-воспоминания неприятно высасывают из меня кровь и энергию.

– Мишель, твой ужин. – Лидия прерывает ход моих мыслей. Устало поднимаю голову, благодарю ее кивком и вымученной улыбкой.

Мой взгляд падает на мясо с овощами. Все выглядит очень аппетитно, и я не сомневаюсь, что вкусно, но не испытываю голода. До сих пор чувствую вкус лобстера и равиоли под сливочным соусом.

У меня появляется еще больше вопросов к Нику, чем было раньше. И зря я себя успокаиваю, что сегодня мы виделись в последний раз. Теперь я уверена, что он не оставит меня в покое, если...

Меня озаряет, и отныне я знаю, как распрощаться с ним. Ему нравится то, что я упрямяюсь. А если буду соглашаться? Конечно, в определенных рамках. Не буду больше ему перечить, буду милой и пушистой. Тогда ему надоест, он переключится на новую жертву и оставит меня в покое. Скорее всего, такой мужчина, как Ник, любит вести игру, пока жертва еще может отказывать. Но когда он получит заветное, то сразу же исчезнет. Пусть мне нравится его манера общения, но эта маниакальная забота выглядит довольно глупо. Глаза. Да, больше таких глаз я никогда не встречу. Но он представляет для меня опасность. Ник вызывает у меня интерес, и я могу зайти слишком далеко. Я не готова к этому. Интуиция подсказывает, что вся эта история вокруг меня не просто так. Я реалистка и не верю в любовь с первого взгляда, а особенно в любовь такого мужчины, как Ник. Он признался, что у него все отлично в интимной жизни, хотя упомянул, что секс ему неинтересен. Ложь. Каждый мужчина заиклен на этом и ставит себе галочки. Он знает, что я бурно реагирую на это, и испытывает на мне все свое обаяние.

Только зачем?

Этот вопрос не дает мне покоя. Да, его завораживает игра в кошки-мышки. Но Ник похож на айсберг: глыба без изъянов над поверхностью воды, а под ней скрывается истинный масштаб «проблемы».

В дверях столовой появляется Лидия.

– Мишель, прости, что отрываю от ужина, но к тебе посыльный.

– Что за посыльный? – удивленно спрашиваю ее.

– Говорит, что должен передать пакет тебе в руки. – Она неопределенно пожимает плечами.

Подхожу к входной двери, где стоит парень с большим почтовым конвертом.

– Добрый вечер, – киваю ему, и он отвечает мне тем же.

– Мишель Пейн? – уточняет он.

– Верно.

– Подпишите тут.

Он передает мне небольшой планшет, и я пальцем вывожу свою подпись. Парень с улыбкой отдает мне конверт.

– Всего доброго, – бросает он, и Лидия закрывает за ним дверь.

– Буду у себя, – говорю я и быстрым шагом поднимаюсь в спальню.

Что за ерунда?

Сажусь на постель и вскрываю конверт, вытряхивая из него все содержимое. На колени падает свернутый втрое белый лист и еще какая-то бумажка. Рот непроизвольно приоткрывается от шока и глаза расширяются шире, когда я подношу к лицу билет с сеанса фильма, на котором я была с Сарой. Девятый ряд, одиннадцатое место. А у меня был восьмой ряд, десятое место. Он сидел позади меня. Но зачем Ник прислал это мне? Торопливо разворачиваю лист, где выведено аккуратным и уверенным почерком:

Пусть у тебя останется напоминание, с чего все началось. Что стало пересечением наших миров.

P. S. Включи телефон, а то мне скучно без твоих дерзких фраз.

Сжимаю пальцами послание и почему-то улыбаюсь. Это ведь романтика, та чертова романтика, которую все так жаждут. Отложив лист, кручу между пальцами билет, все же не понимая, как так получилось. Зачем он показал мне, что тоже был там? Зачем продолжает вызывать во мне интерес? Чего хочет этим добиться? Секса? Слишком просто для такого, как он.

Послание и билет прячу в тумбочку рядом с кроватью. Достаю из сумки «BlackBerry» и включаю. Пока он загружается, открываю ноутбук, чтобы проверить, не писала ли мне Сара. Телефон сразу же начинает пищать, оповещая о пропущенных звонках и сообщениях.

Быстро просматриваю звонки и отмечаю, что два от Люка, три от Ника и один от Сары. Открыв сообщения, тут же нажимаю на не сохраненный, но уже знакомый набор цифр и читаю, как этот нахал бесился, что я его игнорирую.

Пока улыбаюсь гневным сообщениям и обещаниям расправиться со мной самым жестоким образом, приходит новое сообщение от него же.

+1 (647) 9466777:

Ты получила мой подарок?

Набираю ответ:

Да, спасибо, довольно мило с твоей стороны. Только это не означает, что мое мнение в отношении тебя изменилось.

Откладываю телефон и звоню Саре по скайпу. Пока идут гудки, приходит новое сообщение.

+1 (647) 9466777:

Мило? Всего лишь мило? И тебе не повредит, крошка, узнать для себя что-то новенькое, и это могу показать только я. Ты поужинала?

Усмехаюсь, мои решения, принятые ранее, спокойно испаряются, даже мысли отпускают меня, будоража сознание еще большим интересом.

*Да. Всего лишь мило, Ник. Нет, готовлюсь сбросить пару килограмм.
Как думаешь, мне пойдет?*

Отправляю.

– Эй, ау, Миша, я тут вообще-то, – раздается обиженный голос подруги, и я перевожу взгляд на экран, где вижу Сару с маской на лице, валяющуюся на постели.

– Привет, как сходила? – спрашиваю ее, поглядывая на телефон.

– Скучно, сбежала, – пожимает она плечами. – А ты как?

– Мм... обедала кое с кем, – и отвожу глаза от удивленного лица подруги.

– Я так понимаю, не с придурком Люком? – уточняет она.

– Прекрати, он не придурок, – упрекаю ее, отчего Сара только закатывает глаза. – Нет, он был занят, и я обедала с другим.

– С кем это?

– Ну, помнишь на банкете Николаса?

– Это тот, что привел тебя? – Она приподнимается на постели, и я киваю. – Это тот, что послал Люка и утащил тебя на плечо?

– Да.

– Это тот, кого ты терпеть не можешь и обещала вырвать его наглые глаза и язык?

– Да.

– Это тот...

– Все, Сара, да, это тот самый Николас Холд, – перебиваю я, и подруга начинает смеяться.

– Вау, ничего себе, и как... почему... рассказывай. Вот! А я говорила, что химия и искра – это самые главные эмоции на первой стадии отношений! И мое пророчество на день всех влюбленных. Он не так плох, как ты о нем думаешь. Да? А ты мне: глупости, бред, – возбужденно визжит она, а я вздыхаю и слышу вибрацию телефона.

– Он приехал и пригласил меня, мы пообедали – и все. У нас нет никаких отношений и не будет. Он, как бы тебе сказать... Он не тот, кто мне нужен, в этом я уверена, – быстро говорю и беру в руки телефон.

+1 (647) 9466777:

Хорошо, мило тоже сойдет за комплимент от тебя. Мы делаем успехи.

Нет. Снова в твоей голове глупые мысли. Мишель, здоровье – это не шутки, или ты снова испытываешь мое терпение?

– Так-так, ты улыбаешься и даже не обратила внимания на то, что я только что сказала, – громко произносит Сара.

Бросаю на нее взгляд.

– Люк пишет, – вру я.

– Твой Люк и рядом не стоит с этим красавчиком, – фыркает она. – Я вообще не понимаю, на кой тебе сдался Люк? Он ничто. Тупая пустышка. Что он даст тебе, Миша? А вот Николас...

– Хватит, – обрываю я ее. – Люк хороший парень и мне нравится. Он честный и добрый, без туманного прошлого, без зависимости и говорит все прямо в лицо. И мне плевать, что он не подходит мне по положению, для меня это полная ерунда. Ты же меня знаешь. Зачем снова начинаешь?

– Потому что меня это раздражает. Вы не смотрите вместе. Ты сама от него устала. Да, я уверена, что тебе понравилось проводить время с Николасом. Ты никогда не соглашалась так просто пойти пообедать с мужчиной, а тут... легко и непринужденно. Он зацепил тебя, и ты не хочешь говорить мне чем. Хотя одной внешности хватило бы, но не для тебя. Значит, этот Николас отличается от всех, кого мы знаем. И ты в нем точно заинтересована. И явно это он пишет, потому что ты не ждешь так сообщений от Люка. Я права?

– Сара, – с укором смотрю на нее, но она только цокает языком.

Мистер Холд, вам незачем беспокоиться о моем здоровье. Я напоминаю, это не ваше дело.

Нажимаю на кнопку «отправить».

– Что Сара? – возмущается подруга. – Я тут со скуки помираю, а ты не хочешь даже рассказать мне, как Николас целуется.

– С ума сошла?! – Я закашливаюсь от ее слов и смотрю на экран, дабы убить свою подругу за такое предположение. – Мы не целовались. Он был галантным... ну, по его понятиям.

– Ладно, – расстроено тянет она. – Просто ты так нудно живешь, что я бы уже утопилась. Не отрицаю, что это хорошо... для старичков, но твои родители навесили на тебя слишком много и хотят подороже продать в будущем. Пора сказать им, что ты выросла и твоя голова на плечах не для красоты. Хватит уже потакать им, позволяя укорять прошлым.

– Сара, пожалуйста, прекрати. Я не жалуясь, меня пока все устраивает, – вяло говорю я, потому что знаю, что она права.

– Да, забыла тебе сказать: в пятницу мы идем в клуб.

– Не получится, я же под домашним арестом, помнишь?

– Господи, скажем, что ты переночуешь у нас, и придумаем какой-нибудь реферат. Как будто в первый раз. Они все равно ничего не заметят, а ты хотя бы немного развеешься. Без этого Люка.

+1 (647) 9466777:

Мисс Пейн, не люблю повторяться, но все же. Я забочусь о вас, и это стало моим делом с того момента, когда вы бесстыжее пилились на меня и позволяли творить с вами все, чего бы я ни пожелал.

– Не знаю, – бросаю я подруге, обдумывая ответ.

– Ладно, ты меня не слушаешь, завтра встретимся. Люблю.

Не успеваю оправдаться, как Сара отключается, а я недовольно поджимаю губы. Во мне просыпается злость. Недолго думая, решаю отыграться именно на том, с кого все началось.

Мистер Холд, я не люблю повторяться, но все же. У меня есть парень, и это его дело, но никак не ваше. Было интересно на вас поглазеть и пощупать, но на этом дополнительные опции моего тарифного плана израсходованы. Я не желаю вас больше видеть и слышать. Мне нравится моя жизнь, вы же лишь мешаете. Займитесь кем-нибудь другим, не мной, потому что ни черта не получите. Всего доброго, мистер Холд, иначе я на вас подам в суд за преследование.

Отправляю сообщение и встаю, бросая телефон на постель.

В планах у меня принять ванну и поговорить с Люком, но сейчас пока не представляю, что ему сказать.

Теплая вода приятно расслабляет тело, я понемногу отключаюсь от реальности и мысленно переношусь в совершенно фантастичный мир. Перед закрытыми глазами вижу Ника, сидящего напротив и смеющегося над моей фразой. Понимаю, что он затягивает меня куда-то, где я не должна быть. Меня это раздражает, мысли никак не могут перестать крутиться вокруг него. А поддаться ему я не имею права. Не могу. Все это просто случайность, не более того. Не хочу нарушать свою устоявшуюся жизнь, не хочу ничего менять, я добивалась этой независимости в решениях слишком долго. А теперь вместо отца меня пытается строить совершенно незнакомый тип. Станный тип.

– Мишель, ты здесь? – раздается громкий стук в дверь.

Открываю глаза и сажусь ровнее. Вода уже прохладная. Черт, я могла уснуть и утонуть! А во всем виноват этот долбанный призрачный Ник!

– Да, – хрипло откликаюсь я Лидии. – Что случилось?

– К тебе посетитель, говорит, что это срочно, – сообщает она мне за дверью.

Удивленно приподнимаю брови.

– Выхожу.

Быстро выскакиваю из ванны, обматывая полотенцем тело и волосы.

Кто это? Может быть, Люк? Но он не любит приходить ко мне, а тем более в будни, когда знает, что родители могут быть дома.

Натягиваю трусики и халат, наспех вытираю волосы и выхожу из ванной комнаты. Спускаюсь на первый этаж. Никого.

– Лидия? – недоуменно произношу я.

Домработница выходит из гостиной и кивком указывает мне, что посетитель там. Я безмолвно приказываю оставить нас.

Войдя в гостиную, замираю, увидев стоящего у окна Ника в джинсах, футболке и кожаной куртке. Его губы плотно сжаты, а руки сложены на груди. Он кажется намного выше, и от него веет враждебностью.

– Что... что ты тут делаешь? – шокированно спрашиваю я и подхожу к нему.

– Тарифные опции израсходованы? Всего доброго? В суд подашь? – зло цедит он каждое слово, и я начинаю хихикать.

– И ты приехал сюда, потому что я написала это? Боже, ты несколько переборщил с реакцией. – Мне действительно смешно, и даже опасный блеск темных глаз не останавливает мой смех.

Он ничего не отвечает и быстрым широким шагом сокращает расстояние между нами. Я по инерции пячусь и упираюсь в стену. Ник растягивает губы в обольстительной и хитрой улыбке и останавливается так близко, что наша одежда соприкасается.

Он снова зол, только в этот раз я не понимаю почему. Что его так завело, если он появился у меня дома? Испугался моих слов и угроз?

Осознаю, что стою перед ним практически голая, под тонким шелковым халатом только трусики. От этого чувствую себя некомфортно. Он знает об этом и прижимается ко мне, а я сквозь тонкую ткань ощущаю его сильную грудь. Глаза Ника начинают темнеть, сливаясь с черными зрачками.

– Что ты здесь делаешь? – шепчу я.

– Проезжал мимо, решил заглянуть на огонек. Тем более ты обронила в моей машине заколку, – медленно произносит он, насмешливо приподнимая уголки губ.

– Врешь, – прищуриваюсь я.

– Да. Ты меня научила, крошка. Я же могу обучить тебя иному. – Он склоняется ко мне, опираясь ладонью о стену справа от моей головы.

– Зачем ты так добиваешься встречи? – Я сглатываю от сухости во рту.

– После ванны твоя кожа порозовела. – Он пробегает глазами по моему лицу и одновременно скользит пальцем по ключице. Я судорожно выдыхаю. Моя кожа распарена, и это усиливает ощущения. – Ты так приятно пахнешь, Мишель, что это сносит крышу. Перестая разумно мыслить. Черт, да, я хочу трахнуть тебя. Не один раз. Много. Долго. Глубоко трахать тебя. Но пока ты не признаешься себе в том, что чувствуешь то же самое, что ты уже потекла от моих слов, я ничего не буду делать.

– Прекрати, – шиплю я, ударяя его по руке.

Он предостерегающе смотрит на меня.

– Знаешь, сколько всего я хочу с тобой сделать сейчас?

Я улавливаю аромат кофе в его горячем дыхании на моих губах, и по телу бегут мурашки. Его рука скользит по моей шее, он сжимает затылок, немного разминая мышцы.

– Знаешь, что твои глаза сейчас блестят от возбуждения? Да и я возбужден не меньше. Почему преследую тебя? Хочу. А все, что хочу, – получаю. Поверь мне. – Он прикасается губами к моей щеке.

– Ты домогаешься меня, Ник? Ты из тех, кто трахнет и бросит? Из тех, кто обещает и забывает? Меня это не интересует. Ты меня не интересуешь, – выдавливаю я, потому что признаться, насколько его близость приятна, не могу даже себе. Мои ноги дрожат, и внутри все сжимается от желания уплыть в новом направлении, которое закрыто для меня. Но в голове бьется мысль о том, что родители могут вернуться в любую минуту. И если они застанут нас в таком недвусмысленном положении, то... Нет, я даже думать о последствиях не буду!

– Ну что ты, – усмехается он, – всего лишь предлагаю сменить тарифный план, демонстрируя одну сотую возможных опций. Это рекламный трюк, крошка, чтобы зацепить твой интерес и подтолкнуть к решению. Ты ошибаешься, я никогда ничего не обещаю. Поэтому не обманываю, ты должна уже знать, насколько я честен с тобой.

Он подносит руку ко рту и медленно облизывает большой палец, следя за выражением моего лица. А я, как замороженная, смотрю за его действиями. Это выглядит довольно эротично, необычно и невероятно... сладко. Ник подносит мокрый палец к моим губам и одним мазком увлажняет их. Я вздрагиваю.

– А теперь попробуй мой вкус, крошка, и запомни навсегда. Ты его ни с чем не перепутаешь, как и я не почувствую ни к кому другому такую тягу, какую чувствую сейчас. Будь честна со мной, иного я не прошу. И не стоит пугать меня, это лишь заводит меня с еще большей силой. – С этими словами он отстраняется и смотрит на меня.

Я стараюсь выровнять дыхание. По его глазам вижу, что он доволен тем, что обескураживает меня, выбивает почву из-под ног... наказывает... за чувство юмора?

– Ты совсем обалдел? – Во мне вскипает злость от такой вульгарной сцены, и я толкаю его в грудь. – Убирайся из моего дома, я полицию вызову! – Я запахи халат плотнее, цепляясь за ткань, как за броню. – Уходи. Я не хочу тебя знать, Ник! Уходи.

– Мишель, не сопротивляйся этому притяжению. Мы можем общаться как нормальные люди, а не цапаться. Если примешь тот факт, что ты как минимум испытываешь вожделение, а как максимум я тебе нравлюсь, как и ты мне. Я уйду из твоего дома, но не из твоей жизни. До встречи, крошка. Ты моя, запомни это, – подмигивает он мне и спокойно идет к выходу.

Он настолько самоуверен, что это выводит меня из себя. Я теряю контроль над ситуацией и над всем происходящим.

– Я не твоя! – кричу обиженно ему в спину.

Ник останавливается и оборачивается, улыбаясь. Я задерживаю дыхание, когда даже на таком расстоянии вижу, как ярко блестят его глаза.

– Моя, – одними губами отвечает он и выходит из гостиной. Через несколько секунд хлопает входная дверь.

Судорожно облизываю губы, на языке остается привкус чужой слюны, и это словно сильный удар под дых. Мое сердце бьется чаще, я не могу спокойно дышать, руки отчего-то трясутся. Я обнимаю себя, чтобы восстановить равновесие внутри. Но не получается!

Почему я? Что он хочет от меня? Только трахнуть? Так это ему не удастся, никогда не удастся. Я просто буду держаться от него подальше, если надо, то... то... не знаю, что предприму. Но он до коликов в животе пугает меня своей откровенностью, животным голодом, преследованием – и одновременно возбуждает меня, распахивая настежь дверь в неизвестное. Дверь в темноту, не сулящую ничего, кроме терзаний. Я боюсь идти туда. Изнываю и боюсь.

– Мишель? С тобой все хорошо? – спрашивает Лидия, входя в гостиную.

– Да... – голос охрип, и я откашливаюсь. – Да, это мой знакомый. Привез заколку.

– Он положил ее на столик. Но я не помню его. И, Мишель, ты кричала, – хмурится Лидия.

– Хм... я... просто забудь, хорошо? Не говори родителям, а то у меня еще больше проблем будет. А с ним я разберусь. Обещаю. Только молчи, – умоляюще шепчу я, подходя к домработнице.

– Конечно, девочка моя, но будь осторожна. Хотя этот мужчина очень вежлив, тебе не следует вновь доверять...

– Я все знаю, Лидия. Пойду отдыхать, – перебиваю ее, вымученно улыбаясь.

Срываюсь с места и бегу в свою комнату, как в убежище, потому что гостиная пропахла Ником, и я чувствую его аромат на себе.

– Надо просто успокоиться и подумать разумно, – говорю себе, садясь на постель.

Замечаю, что телефон мигает. Это означает, что там пропущенный звонок или сообщение. Так и есть, два пропущенных от Ника. Выходит, пока я принимала ванну, он звонил мне. Решив, что я его снова игнорирую, приехал. Он маньяк! Долбанный извращенец!

Меня до сих пор потряхивает. Забираюсь в постель, накрываюсь одеялом с головой. Боже, это какой-то дурдом! В голове сумбур. Я не могу разобраться в своих ощущениях, и от этого меня накрывает панический страх.

* * *

– Миша! – Сара машет рукой перед моим лицом.

Моргаю, сбрасывая с себя оцепенение, и смотрю на подругу потерянным взглядом.

– Да?

– Ты поговорила с родителями насчет пятницы? – интересуется она, когда мы идем к выходу после занятий.

– Нет, забыла, – мотаю я головой и смотрю за ее спину.

– Что с тобой происходит? – нахмурившись, спрашивает Сара.

– Ничего, просто устаю с этими двумя курсами, тренировками, и нет времени, чтобы пофотографировать, – вру я и выдавливаю улыбку.

– Понятно. Я вообще не представляю, о чем думали твои предки, когда заставили тебя учиться на двух параллельных курсах, – недовольно говорит она.

– Прости, я обещала пообедать с Люком, – произношу я.

– Опять твой Люк, лучше бы Николас. Кстати, ты о нем так и не упоминала после вчерашнего разговора по скайпу, – надувает губы Сара, а я раздраженно передергиваю плечами.

– Забудь о нем, он больной на голову урод, – зло бросаю я и направляюсь к выходу.

Полночи не могла уснуть, ворочаясь, но как только закрывала глаза, ощущала его палец на своих губах, даже стереть это прикосновение невозможно, оно будто срослось со мной.

– Привет!

Меня обнимают за талию, и я от неожиданности подпрыгиваю. Но улавливаю легкий цитрусовый аромат и расслабляюсь. Люк.

– Привет. Пошли?

– Конечно. – Он тянется к моим губам, но я резко отворачиваюсь и делаю шаг назад.

Люк озадаченно и недовольно смотрит на меня.

– Заболеваю, не хочу, чтобы ты подхватил заразу, – обманываю я. На самом деле у меня ощущение, что Ник заклеил меня, и я не могу себя пересилить. Не хочу, чтобы Люк целовал меня. Не хочу, словно и правда больше не принадлежу никому, даже себе.

– Господи, Миша, и ты ходишь полуголая! – восклицает он, глядя на вырез моей кофты и небрежно брошенное пальто.

– Ну, ты же знаешь, что я не придаю этому значения. А вот заразить тебя в мои планы не входит. Пойдем обедать, умираю от голода. – Я беру его за руку. – Как тренировка?

Люк тут же забывает об инциденте и увлеченно рассказывает о своих успехах, предстоящей игре, заменах, но я слушаю его вполуха. Не понимаю, что со мной творится. Мне кажется, что моя реальность стала чем-то иным, неживой пародией на повседневность.

Мы доходим до кафешки неподалеку от университета, и Люк оставляет меня за столиком, чтобы купить еду. Я достаю из сумки телефон и кручу его в руках, появляется какое-то болезненное желание написать гадость Нику, выплеснуть на него свое негодование. Разбавить эту серость чем-то ярким. Шоколадным. Им. Поджимаю губы от недовольства на себя и сдерживаюсь, откладывая «BlackBerry» и не искушая судьбу.

Люк возвращается с подносом и ставит передо мной салат и суп.

– Спасибо, – улыбаюсь ему, и он ласково смотрит на меня, но от его взгляда становится только холодно. Я притворщица, мне неприятно быть такой, но я сделала свой выбор уже давно и не могу переступить через страх.

Почему прикосновения Люка не вызывают во мне чувства? Он ведь красивый, накачанный, сильный, приятный, душа компании, страстный, в нем есть все для того, чтобы быть идеальным парнем. Но. Это невыносимое «но» изводит меня, заставляя искать недостатки в парне, сидящем напротив. И это «но» воскресло с появлением Ника.

Тяжело вздыхая, беру пластмассовые приборы. Я предательница. Предаю себя, продолжая размышлять о другом мужчине.

– Какие планы у тебя на выходные? – интересуется Люк.

– Я наказана, – бурчу я, ковыряясь в салате.

– За что принцессу заперли в башне? – смеется он, и я хмыкаю.

– За то, что этот придурок, который был на твоей вечеринке, пожаловался моему отцу о моем неподобающем поведении.

– Миша, ты говорила, что между вами ничего нет, – зло цедит Люк и сжимает в руках пластмассовый нож так сильно, что ломает его.

Ловлю себя на мысли, что мне не страшно от этого действия, а Нику достаточно посмотреть на меня, и я испытываю панику. Что, черт возьми, со мной не так?!

– И? Говорила. А ты услышал, что я только что тебе сказала? – Я передергиваю плечами.

– Тогда какого хрена он лезет к тебе?! – шипит Люк.

– Не имею понятия, – совершенно искренне отвечаю я.

Хотя, возможно, лгу. Я понимаю, что он хочет от меня. Вчера дал ясно понять это, но я не верю. Даже ему не верю.

Господи, как я устала лгать! Хочется сказать о своих истинных мыслях и чувствах и послать всех к черту. Я обманщица.

– Я могу поговорить с ним, – грубо предлагает Люк, и это смешит меня.

– Успокойся. Давай сменим тему? – кривлюсь я. – Мы же вместе, что ты так завелся?

– Потому что помню о том, что он делал у меня дома, – с отвращением бросает он обвинение, и я поджимаю губы.

Мой телефон пикает, хватаюсь за него, как за спасительную соломинку, чтобы уйти от того судьбоносного дня.

– Кто это? Сара? – спрашивает Люк.

– Да.

Ни черта не «да»!

+1 (647) 9466777:

Добрый день, Мишель. Как твое настроение сегодня? Готова вести нормальный диалог и прекратить бегать от меня?

Отвали от меня, серьезно, Ник! Ты вчера перешел все границы дозволенного!

Отвечаю и бросаю телефон на стол, со злостью втыкая вилку в салат.

– Что она пишет?

– Неважно, – резко говорю я и, опустив голову, пытаюсь глотать безвкусный обед.

Мой телефон снова пищит. Не желаю даже читать. Просто не желаю. Но, вспомнив, что этот урод может спокойно приехать, и тогда проблем с моим парнем у меня будет больше, беру телефон. Люк следит за каждым моим движением.

+1 (647) 9466777:

Ты уверена, что этого хочешь?

Черт, да! Ты тупой или как? Миллион раз говорила тебе об этом!

Задолбал! Хватит преследовать меня. Ты мне неинтересен!

Не выдерживаю этого напряжения и пыхчу, грудь вздымается чаще, и я хватаю ртом воздух, чтобы прекратить эти мучения. Пусть оставит меня в покое, не хочу... не хочу падать в его темноту, не хочу сладкого, не хочу! Мне хочется только плакать, потому что меня эта ситуация разрывает на части. Я не могу ухватиться ни за одну свою жизненную позицию, они ускользают от меня, и остаются одни бархатные глаза. Я грешница.

+1 (647) 9466777:

Тебе по статусу не положено ругаться и дерзить, крошка. Хорошо, будь по-твоему. Говорят, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Значит, на моем столе будет вино или виски. Хотя кто знает, что будет завтра. Всего доброго, Мишель.

«Удалить контакт и сообщения», – подтверждаю и откладываю телефон.

Я добила того, чего хотела, но отчего-то покрываюсь мурашками и меня знобит, как будто теряю кого-то важного в своей жизни. Но он ведь незнакомец, призрак фантазий, фантом чувств. Так почему я растрачиваю на него свои эмоции?! Бред. Полный и законченный бред, он заразил меня своим идиотизмом.

– Миша, все хорошо? Ты побледнела, и тебя, по-моему, трясет, – вырывает меня из раздумий Люк, и я горько усмехаюсь.

Ты ничего не знаешь, буквально ничего, но ты то, за что я ухватилась, и мне придется продолжать так жить. Иначе я предаю себя.

– Наверное, температура поднялась. – Я тру лоб и устало вздыхаю.

– Может быть, не пойдешь сегодня на вечерние занятия? – заботливо предлагает Люк.

– Надо. Ничего, приму дома лекарства, и все будет хорошо. Лучше расскажи мне, как твоя работа. – Я снова меняю тему, чтобы отвлечься.

И он с готовностью начинает говорить, пока я пытаюсь поесть и не думать. Но все равно возвращаюсь к этому чертовому прощальному сообщению.

Ненавижу тебя, призрачный красавчик!

Восьмой шаг

– Мишель, ты великолепна, – снисходительно улыбается мама.

– Спасибо, – сухо отвечаю я, пока папа помогает мне надеть белую укороченную шубу.

– Как восхитительно, что нам наконец-то удалось приобрести билеты в оперу и отправиться туда всем вместе, – продолжает мама, а я хмыкаю и беру клатч.

– Поехали, девочки, а то опоздаем. – Папа смеряет нашу троицу оценивающим взглядом и, довольный увиденным, открывает перед нами дверь.

Три дня прошли для меня в нормальном ритме, без внедрения Ника в ход событий. И, черт возьми, от скуки я начала читать всякую чушь по психологии, зачем-то проводя параллель с собственной судьбой и пытаюсь разобраться в Нике. Разочарована. Сильно разочарована в себе, потому что мне стало не хватать этого большого уroda с его замашками первобытного строя.

Из-за этого мои отношения с Люком стали натянутыми. Даже папа пошел мне навстречу и предложил, чтобы меня кто-то сопровождал в великий пятничный поход в оперу, но я соврала, что у меня нет такого кавалера. И, к сожалению, по закону подлости, это все услышал Люк, ведь я говорила с ним по скайпу, забыв об этом, перелистывая страницы губительной книжки по психологии. В итоге он обиделся и перестал со мной разговаривать, считая, что я стыжусь его. Но дело было не в Люке, а во мне. Сара только обрадовалась, что Люк от меня отстал, и даже не сильно возмущалась, что ей придется идти на вечеринку одной.

Сидя в лимузине, смотрю на огни большого города, пока мои родители бурно обсуждают выход в свет, надеясь встретить кого-то из знакомых. Надоела эта жизнь фарфоровой куклы. Мне хочется поговорить с кем-то, кто примет меня вот такую. Потерянную.

– Мишель, приехали! – Из тяжелых мыслей меня выводит мама, и я нацепляю холодную улыбку.

Подхватив шлейф платья, выхожу из машины. Втроем мы идем к центральному входу, где толпятся люди, желающие купить билетик. Обычные люди, жаждущие хоть одним глазком увидеть «Травиату».

Прогуливаемся по фойе, родители находят знакомых. Я и Тейра киваем им, выслушиваем комплименты и поддерживаем разговор на общие темы. Наконец звенит звонок, и мы движемся к нашим местам. К сожалению родителей, места у нас сбоку, хотя и в первом ряду в партере. Но сцену видно отлично.

Восхищаюсь пением, проникаюсь жизнью куртизанки и полностью отдаюсь происходящему на сцене.

В первом акте речь идет о знакомстве куртизанки Виолетты с Альфредом. Он влюбляется в нее, но она больна туберкулезом. Виолетта уговаривает его уехать, оставить ее, потому что она недостойна его любви и внимания. Решение Виолетты повторяет мои чувства и поступки, я не могу сдерживать эмоций и сжимаю руки в замок и опускаю голову. Действие заканчивается на том, что женщина понимает – молодой мужчина затронул в ее душе струны, о которых она не подозревала. Она пытается отогнать от себя эти мысли и отвлекается музыкой.

Громкие аплодисменты, и я встаю, чтобы искренне улыбнуться и поблагодарить исполнителей.

Папа предлагает пройти в небольшой ресторанчик, и пока родители с Тейрой обсуждают оперу, плетусь за ними в своем идеальном малиновом платье и с такой же прической. Идеальная притворщица. Поднимаю голову и пробегаю взглядом по людям. Столько яркости, блеска бриллиантов, но это ничего не значит в реальной жизни. Они все прячутся за своими деньгами, приходят сюда в маскарадных костюмах и масках, чтобы явить свою значимость и утереть друг

другу носы. Отвратительно. Почему я другая? У меня есть ответы, но я не желаю углубляться в них. Больно.

– Держи! – Сестра подает мне бокал с шампанским. – Папа велел передать тебе, чтобы ты прекратила выглядеть как протухший овощ.

Стоя в кругу знакомых родителей, я делаю глоток.

Смех настолько фальшивый, что хочется зажать уши руками и уехать домой. Надо было остаться на месте, и тогда не пришлось бы бурчать.

– Мишель, поздравайся, – шипит папа, хватая меня за локоть и вытаскивая вперед.

Удивленно моргая, смотрю на него:

– Что?

– Мишель, наверное, под впечатлением от оперы, – раздается знакомый насмешливый голос.

Резко поворачиваю голову и встречаюсь с искристыми карими глазами.

Зал неожиданно начинает кружиться у меня перед глазами, яркие огоньки вспыхивают в голове. Сглатываю от неожиданности и облизываю вмиг пересохшие губы.

– Добрый вечер, мистер Холд, мистер Вуд, – официально произношу я, поочередно кивая мужчинам. Замечаю, что на обоих висят спутницы, украшенные, как рождественские елки. Отвожу взгляд, делая еще один глоток.

– Занимательный вечер, – щебечет мама, и папа вступает в разговор, восхваляя здание оперного театра.

Я переступаю с ноги на ногу, ощущая на себе цепкий взгляд Ника.

Думала о нем все это время, и вот он здесь. Исподлобья поглядываю на него, а поймав его взгляд, покрываюсь мурашками. Он знает о том, что я чувствую. Он все знает, а мне тяжело принять это, как и то, что он готов общаться со мной, не принимая меня за очередную пустышку. Впрочем, не только общаться, а это для меня непозволительно. Запретно.

Я делаю шаг назад и прячусь за отцом. Допив шампанское, ставлю пустой бокал на стойку и тереблю клатч, молясь, чтобы поскорее прозвенел звонок.

– Это было бы для нас честью. Правда, девочки?! – восклицает папа, а я начинаю хмуриться, не понимая, что тут происходит.

Наконец звенит спасительный звонок, и я облегченно вздыхаю, все так же игнорируя присутствие Ника.

Он не один. Эта мысль бьется в мозгу, и мне становится грустно. Но я ведь должна играть роль, и я уверенно поднимаю подбородок, ожидая, когда родители последуют в зал. Но они идут совсем не к нашим местам.

– Куда мы? – спрашиваю шепотом сестру, а она смеряет меня раздраженным взглядом.

– Хватит витать в облаках, Миша. Мистер Вуд пригласил нас к себе в центральную ложу, – фыркает она.

Мои ладони потеют, цепляюсь сильнее в клатч, чтобы не показать волнения. Я как слепой котенок, когда Ник оказывается рядом. Отрываюсь от мира и теряюсь.

Раздражает. Злит.

Когда мы проходим в ложу, мне предлагают сесть рядом с ним.

Черт! Миллион раз проклиная отца, жаждущего получить деньги Вуда. Мне ничего не остается, как сесть и знать, что рядом с ним его девушка. Или же одна из миллиона его любовниц.

– Ты прекрасно выглядишь, Мишель, – склоняется Ник. Меня обдает знакомым парфюмом, и я напрягаюсь, не мигая глядя на сцену.

– Спасибо, ты тоже, – сухо отвечаю я.

По другую сторону от меня сидит Вуд, и у меня ощущение, что я попала в капкан.

Начинается второй акт, и теперь я могу немного расслабиться. Влюбленных разлучает отец Альфреда, и куртизанке ничего не остается, как оставить мужчину, чтобы не погубить его репутацию. Не могу сосредоточиться на представлении, потому что сидящий рядом Ник заставляет меня нервничать. Но, черт возьми, я сама этого жаждала, и пора прекратить это издевательство над собой. Да, красивый. Да, в нем есть что-то отличительное от всех моих знакомых. Да, он притягивает меня. Но он больной маньяк, который хочет получить то, что я не готова ему отдать, пора бы это запомнить!

Бал-маскарад заставляет меня усмехнуться, и я сжимаю губы, чтобы не быть похожей на помешанную. Спина начинает болеть от прямой осанки, и я делаю круговые движения шеей.

Слышу, что спутница Ника о чем-то пискляво говорит, и он ей отвечает несколько грубо. Краем глаза замечаю, что он кладет руку на подлокотник между нами, и снова люблюсь силой в его венах.

Неожиданно все начинают вставать, и я понимаю, что окончился второй акт.

– Мишель, ты спустишься с нами? – спрашивает мама, но я качаю головой.

– Нет, идите, я посижу здесь. Если это возможно, – бросаю я.

Райли Вуд заверяет меня, что скоро все вернутся, и я опускаюсь на сиденье.

Ложка пуста, могу свободно вздохнуть и закрыть глаза, чтобы пережить ужасные минуты. Восстанавливаю дыхание, и сердце бьется ровно. Решаю немного размяться и прохожу в угол ложи. Прислонившись плечом к стене, наблюдаю за людьми внизу.

– Я скучал по тебе, – горячий шепот обжигает мою шею, и я замираю от неожиданности.

– Ты с дамой, – грубо напоминаю Нику, стоящему за моей спиной.

– Я со знакомой, – хмыкает он.

– Сочувствую, – холодно отзываюсь я, ощущая его так близко, что живот сводит спазмом.

– Мишель, – он смакует мое имя, обхватывает за талию и прижимает к себе.

– Ник, прекрати! – Возмущаясь, пытаюсь убрать его руку, но он сильнее сжимает меня, и я ощущаю его губы на своей шее.

– Твоя кожа не дает мне покоя, – шепчет он, оставляя новый поцелуй на пульсирующей вене, а я закрываю глаза. Волна приятной тяжести опускается в низ живота, поясницу начинает покалывать, меня снова это возбуждает. – Твоя ревность восхищает меня. – Он трет губами о мою кожу, поднимаясь к мочке уха. – Как ты стойко держишься, пытаешься обмануть себя. Но печаль в твоих глазах говорит больше, чем твои губы.

– Ник... – Я закрываю глаза, понимая, насколько он прав. Наслаждаюсь его дыханием, его объятиями. Им.

– Крошка, я хочу шампанского. Я очень хочу выпить шампанского с тобой. Самого лучшего шампанского, которое найду. – Его руки ласкают мой живот, опускаются на бедра и сжимают их. Он продолжает целовать шею, он дразнит меня, прикусывая зубами вену.

– Ник! – Я стараюсь прийти в себя, но не могу, разум из-за этих прикосновений отключается, а тело просыпается, являя всю чувственность.

С моих губ срывается вздох, а он проводит языком по моей шее, вновь поднимаясь к уху, и кусает за мочку.

– Завтра заеду за тобой в восемь, – продолжает шептать Ник. Он сжигает мою кожу своими поцелуями. Не могу противостоять его натиску и хватаюсь за его руку на моей талии, чтобы устоять на высоких каблуках.

– Это да? – спрашивает он и резко поворачивает меня к себе.

Смотрю в его глаза, в которых сейчас невозможно угадать ни одной эмоции, потому что он находится в полутьме.

– Ну же, Мишель, говори. Я обещал, что ничего не сделаю против твоей воли, – тихо, но уверенно произносит Ник.

– Ужин, – слышу я свой севший голос, и его губы растягиваются в улыбке победителя.

– Только ужин, – подтверждает он. – Будь в платье, ты в них сногшибательна.

– О, да ладно. – Я закатываю глаза от этого заезженного комплимента.

Ник грубо и властно притягивает меня к себе, и я чувствую контуры его возбужденного члена. От этого открытия выдыхаю в его губы.

Черт, я хочу, чтобы он поцеловал меня. Хочу ощутить этот десерт и запомнить его, даже если вскоре я пошлю его к чертовой бабушке.

Он не мигая смотрит в мои глаза, а я в его. Разряды тока проносятся между нами. Возможности для выброса этого адреналина нет, и он забирается мне под кожу, разгоняя кровь. Мои руки проходят по его груди и поднимаются к плечам. Боже, какой он сильный. Мое дыхание прерывисто, как и его. Мы находимся под властью сумасшествия и феромонов. Мои губы приоткрываются, ожидая от него первого шага, и Ник переводит взгляд на них, а затем снова на мои глаза. Между бровями появляется складка, и я сглатываю от страха упустить эту возможность.

Сама тянусь к нему, но он тут же отстраняется, и его лицо приобретает знакомую холодность. Я чувствую себя безумно глупо, хочется плакать от обиды. Отвожу глаза, ощущая, как сильно полыхают мои щеки.

– Мишель, – зовет он, а я, передернув плечами, быстро возвращаюсь на свое место.

Не понимаю, что он хочет от меня. Приглашает на ужин, ласкает с такой страстью, что кожа нещадно горит, а сейчас не мог просто взять и поцеловать!

Черт! Я зла, зла в большей степени на себя, что позволяю сексуальному влечению взять верх надо мной. Это не должно повториться, просто не должно! Я не должна этого чувствовать.

Сжимая в руках клатч, смотрю на сцену, надеясь, что Ник просто уйдет, оставит этот момент без комментариев. Отвращение к себе оживает. И черт бы побрал эту книгу, где описывается психологическое давление и манипуляция на эмоциональном уровне.

Ник опускается на сиденье рядом со мной.

– Мишель, здесь не место и не время. Видишь, я снова теряю контроль над собой из-за тебя, – он произносит это тихо, но я не слышу в его голосе раскаяния или ласки. Он холоден и отчужден, это укалывает меня сильнее, чем его молчаливый отказ, потому что я подсознательно чувствую – врет.

– Думаю, ваша знакомая потеряла вас, мистер Холд, – сухо отвечаю я.

– Не думайте о моей знакомой, мисс Пейн. Думайте обо мне, – усмехается он, и это еще больше выводит из себя. – Все-таки мне нравится ваш румянец, мисс Пейн, – добавляет он уже более игриво, и я поворачиваюсь к нему, чтобы выразить во взгляде свое раздражение.

– Это потому, что вы меня раздражаете, мистер Холд, – четко говорю я, враждебно глядя на него.

А Ник просто улыбается, забавляясь моими эмоциями.

– Мне это еще больше нравится, – тянет он слова и придвигается ближе ко мне.

– Тебя заводит, что я тебе грублю? Почему ты выбрал меня? Почему бы тебе не пойти к своей знакомой и не подарить ей все то, что ты делал несколько минут назад? Почему ее не пригласишь на ужин, Ник? – интересуюсь я с пылом.

– Слишком много вопросов, Мишель. Я отвечу на них, но не сегодня. – Он накрывает мою руку ладонью.

Его кожа загорелая, моя на несколько тонов светлее. Красивое сочетание, и я начинаю хмуриться от этих мыслей.

– Это твой стиль игры, Ник? Пробеуешь на мне новую партию? – Я смотрю в его удивленные глаза.

– Моя партия кристально ясна, а вот ходы зависят от противника, Мишель. Какую фигуру ты выберешь? – Он склоняет голову набок, сжимая мою руку.

Нервно облизываю губы, а он ловит каждое мое движение.

– Не надо, – шепчет Ник.

Я приподнимаю брови в немом вопросе.

– Доверься мне, я не причиню тебе зла, обещаю. Все будет только с твоего согласия. – Он опять сжимает мои пальцы и убирает руку.

Я должна ему что-то сказать, но не нахожу слов и просто вздыхаю. Позади нас раздается шум, и я оборачиваюсь. Вернулись моя семья и Вуд, что-то рассказывающий отцу.

– Мистер Холд, а мы потеряли вас, – улыбается папа, и я замечаю, что крашеной блондинки Ника нет.

– Устал от шума и вернулся. Мы с Мишель обсуждали оперу, сошлись на мнении, что сегодня действительно потрясающий вечер, а исполнители талантливы, – вежливо отвечает Ник.

Зря он это сказал, лучше бы соврал, что я его ударила, или показала средний палец, или же просто игнорировала. Черт!

Раздается последний звонок, и начинается третий акт. Я желаю, чтобы он окончился как можно быстрее, но незаметно для себя снова проникаюсь историей. На сцене разворачивается новое действие, в котором два человека с мечтают о совместном будущем и строят несбыточные планы. Но реальность бьет слишком сильно по ним, принося смерть Виолетты на руках возлюбленного. Не могу сдержать слез от арии, и глаза туманятся. Неожиданно в мою руку вкладывается платок, и я перевожу взгляд на него. Рука Ника лежит на моем запястье, и он успокаивающе поглаживает меня. Хлюпнув носом, подношу платок к глазам и осторожно промакиваю влагу, пока Ник продолжает передавать мне свое спокойствие. Как это удивительно и странно. Одно его прикосновение – и мне хорошо.

– Спасибо, после стирки отдам, – шепчу я, глядя на черные пятна туши на белоснежной ткани.

– Оставь себе, – так же шепотом отвечает он.

Что-то снова происходит, я чувствую это. Я уверена, что он не ожидал такой моей реакции и постарался помочь. Это было странно. Обычно он властен, я бы больше поверила, если бы он усмехнулся, а затем обвинил меня в сентиментальности. Ведь мне казалось, человеческие эмоции ему чужды. Выходит, я ошиблась.

Включается свет, и мы поднимаемся, аплодисментами благодаря за великолепное представление. Я прячу платок Ника в клатч.

Выхожу из ложи самая последняя, Ник придерживает мне дверь, и замечаю, что его лицо чем-то омрачено, он обеспокоен. Неужели тем, что я так отреагировала на смерть главной героини? Или он передумал насчет ужина?

От этих мыслей я хмурюсь, плетясь за компанией, идущей впереди. Неожиданно Ник хватает меня за руку, резко поворачиваю голову, и мы встречаемся глазами. Они темные, они манящие... и уже холодные. Он так же внезапно отпускает мою руку, словно пугается чего-то. Хочу спросить, что это было, зачем и почему. Но Ник немного отстает от меня и кому-то кивает. Папа в этот момент оборачивается и прищуривает глаза, я натягиваю улыбку.

– Напишу тебе, – едва слышно говорит Ник, когда папа отворачивается, чтобы ответить на вопрос Вуда.

У меня ощущение, что друг Ника специально отвлек отца, чтобы дать нам возможность договориться.

– Хорошо, – киваю я.

– Я... до завтра, Мишель. – Голос Ника внезапно меняется.

Я поворачиваю голову, чтобы понять причину, но вижу только удаляющуюся широкую спину.

Да что, черт возьми, тут происходит?! Что с ним не так?

В голове снова миллион мыслей, я двигаюсь на автопилоте, надеваю шубу и киваю Вуду, с интересом посматривающему на меня. Этот взгляд неприятен, как и большинство взглядов мужчин.

– Я надеюсь, это приглашение хороший знак, – задумчиво говорит папа в лимузине.

– Я тоже, Тревор. Я так рада, что мы сходили, и встреча была самой судьбой, – кивает мама.

– Мишель, о чем ты говорила с Николасом? – интересуется папа.

– Да в общем-то ни о чем, – пожимаю плечами, изображая равнодушие. – Об опере.

– Ну да, о чем с ней еще можно говорить, – насмехается Тейра.

Дарю ей испепеляющий взгляд.

– Да ладно, Миша, ты же у нас бунтарка, и я удивлена, что Николас не сбежал от тебя или ты не придушила его своим красноречием, – продолжает сестра. – Или все же ты его обматерила, а он из-за своего воспитания не стал унижать тебя?

– Тейра, – обрывает ее мама, и сестра поджимает губы, но в голубых глазах продолжает играть насмешка и превосходство.

– Но я заметил, какие взгляды на тебя бросал Вуд, – довольно говорит папа.

– Обычные, – грубо отвечаю я и складываю руки на груди. – И он был с девушкой.

– Тогда надо сделать так, чтобы это были необычные взгляды, – давит он на меня. – С девушкой? Да у них их огромное количество и на каждый день. Ты должна знать о том, что всегда можно потеснить соперницу.

– Боже, папа, хватит! Я не собираюсь лебезить ни перед Вудом, ни перед Николасом, только чтобы они вложили деньги! Ты предлагаешь мне заняться проституцией? Но это не гарантирует, что они вложатся в вашу компанию! Это твоя идея, а меня, будь добр, оставь в покое! – взрываюсь я и отворачиваюсь к окну.

– Я всего лишь пожелал, – недовольно цокает языком отец, игнорируя мои агрессию и негодование. – И я не предлагал тебе лечь под них. Ты взрослая девочка, но должна понимать, что Вуд нашего круга, как и Холд, поэтому было бы неплохо, если бы у тебя наконец-то появился постоянный мужчина. И желательно один из таких. Уже пора задуматься о будущем. Пришло время вернуться в свой круг.

– Всего лишь пожелал... взрослая девочка... фу, – тихо передразниваю его я и киплю внутри.

Когда все заходят в дом, я ни слова не говорю им и поднимаюсь к себе, чтобы меня оставили в покое и, конечно, чтобы избежать новой ссоры с отцом, которая обязательно состоялась бы. Я для него всего лишь пешка, которую он хочет правильно разыграть. И меня это не устраивает. Хочу, чтобы со мной считались, я ведь живой человек. У меня есть свои планы на жизнь.

Переодевшись в халат, распускаю волосы и массирую голову. Это меня успокаивает. Снова мой мир перевернулся, а все потому, что я встретила Ника.

Ладно, хватит уже бегать от себя. Стоит признаться в том, что хочется узнать о нем больше, а потом решить, нравится мне он или его горячая «упаковка».

Нахожу в клатче телефон и платок. Задумчиво повертев платок в руках, прячу в тумбочку и решительно открываю сообщения. Хоть и удалила его контакт, но он врезался в мою память.

Почему ты ушел?

Отправляю сообщение Нику и ругаю себя за такой интерес. Но меня это гложет, я не могу разобраться в смене его настроений, я не успеваю за ним.

В моем плане на завтра появляется пункт: сделать психологический портрет Ника, чтобы хоть как-то подготовиться морально, попытаться понять, что от него можно ожидать.

Он не отвечает, вновь чувствую себя глупо. Никогда не писала первой парням, даже Люку. А тут... Боже, что я творю?

Ложусь в постель и открываю книгу.

Мой телефон вибрирует, и я отрываюсь от чтения, нетерпеливо открывая сообщение.

+1 (647) 9466777:

Чтобы не искушать тебя.

Сажусь ровнее, и мои глаза расширяются от такой наглости. Не искушать? Совсем обалдел?!

Ну, держись, Ник, я тебе завтра покажу, что такое не искушать!

Не переживайте, мистер Холд, я всегда держу себя в руках, в отличие от вас. Доброй ночи вам и вашему самомнению.

Довольная своим умным ответом, я отправляю сообщение. Мне кажется, мы никогда не сможем говорить с ним нормально, без напряжения и этой игры «кто кого». Но пока мне интересно, я позволяю себе небольшое отступление от собственных правил.

+1 (647) 9466777:

Предвкушаю наш ужин, мисс Пейн. Приношу свои извинения за несдержанность в ложе, но ничего не мог поделать с собой, вы были без бюстгальтера, это возбудило меня и разозлило. Не стоит испытывать меня.

Откуда... черт... откуда он узнал?

Разозлило? Я принимаю ваши извинения, мистер Холд, за вашу вульгарность и распущенность по отношению ко мне.

+1 (647) 9466777:

МОЮ ВУЛЬГАРНОСТЬ?! РАСПУЩЕННОСТЬ?! Это не на меня пялились мужчины, когда через тонкую ткань платья вытирали возбужденные соски, Мишель!

Сообщение приходит мгновенно, и я смеюсь.

Мистер Холд, у вас кнопочка заела на больших буквах или вы кричите на меня? Хм, было бы странно, если бы на вас пялились мужики... хотя... еще раз хм. Вы ревнуете?

Хочочу в подушку, не знаю почему, но приходит легкость и... только не это... Неожиданная догадка заставляет меня нахмуриться. Черт возьми, я флиртую с ним! Я, черт, флиртую с Ником!

Правда, что в этом такого? Обычная девушка пиццала бы от радости и прыгала по комнате, что на нее обратил внимание такой мужчина. И флирт – это самое безобидное, чем можно заниматься с противоположным полом. Но для меня это много, сейчас я позволяю себе быть искренней в своем отношении, в своих словах, и даже мои чувства меняются. Они становятся живыми и реальными. Приходит страх, что я могу увлечься, забуду все, что планировала, и превращусь в бесхребетное создание, какой меня хотят видеть. Но я не они, и мы двигаемся не по сценарию моего отца.

Запуталась, в голове смешалось, там такая каша, а я даже не хочу распутывать ее, хочу отпустить ситуацию.

Телефон вибрирует, и я беру его уже с опаской.

+1 (647) 9466777:

Мишель, что означает твое «хм»?!

Откладываю «BlackBerry» и желаю, чтобы он решил, что я заснула. На сегодня с меня достаточно эмоций, и адреналина уже слишком много. Если не остановлюсь, то случится передозировка. А завтра вечером я снова увижу его и постараюсь понять саму себя.

Девятый шаг

Стучусь в родительскую спальню и после маминого отклика: «Входите» – открываю дверь и вижу ее перед зеркальным столиком. Она делает макияж, и я улыбаюсь. Мама красивая, очень красивая и выглядит довольно молодо для своих сорока трех лет. И неважно, что это постарались хирурги, она естественна в своем образе. Копна светлых волос, которые унаследовала Тейра, большие голубые глаза, также подаренные сестре, подтянутая фигура и нежная улыбка – у меня шикарная мама. Единственное, что мне досталось от нее, – это овал лица и родинка на щеке.

– Мишель, что-то случилось? – спрашивает она, ловя мой взгляд в зеркале.

– Мам, – захожу в спальню и закрываю за собой дверь, – я хочу пойти с ночевкой к Саре.

– Мишель, отец же запретил. – Она раздраженно вздыхает и откладывает в сторону губную помаду.

– Мам, но мне девятнадцать, и я не сделала ничего ужасного! За что? Пашу в этом университете как лошадь! Я же человек, девушка, которая желает веселиться. Когда, если не сейчас? Я устала, в конце концов, хочу пойти с Сарой в бар и посидеть там, посплетничать, ощутить себя живой, а не столетним антиквариатом! Я словно долбаная принцесса в замке! – От обиды я срываюсь на крик.

– Мишель, не повышай голос, я понимаю тебя, – примирительно говорит она, проводя рукой по уложенным волосам. – Хорошо, иди, только, пожалуйста, без эксцессов. Иначе нам обоим достанется от отца.

– Спасибо, мама! – Я подлетаю к ней и обнимаю. – Обещаю, без алкоголя и буйства. Просто девичник, я соскучилась по подруге.

– Во сколько завтра будешь дома?

– Не знаю, хочу забежать в спортзал и еще пофотографировать Сару, – мнусь я.

– Ладно, я поговорю с отцом, к тому же он сейчас сильно перегружен на работе, ты должна войти в его положение. – Она смотрит на меня несколько осуждающе.

– Но и он должен меня понимать, – вторю я ей.

– Он просто переживает за тебя, потому что сильно любит и оберегает. – Она оправдывает поступки папы, а я обреченно киваю.

– Спасибо, и пока, – машу ей рукой и выскакиваю из спальни, на моих губах тут же расплывается улыбка.

Зайдя к себе, я первым делом отправляю сообщение Саре о том, что приеду к ней через час, а затем открываю сообщения.

Ник:

Заеду за тобой в 20:00. Надеюсь, ты не передумала и шампанское не выдохнется?

Доброе утро, мистер Холд. Не передумала, и это всего лишь ужин, только я буду у подруги по адресу: 444 YongeSt.

Застегиваю сумку с вещами и спокойно выхожу из дома.

Телефон в кармане пальто пикает. Я с улыбкой сажусь за руль, завожу мотор и достаю «BlackBerry».

Ник:

Мишель, ты долго не отвечала, и я решил, что снова на меня свалился любимый тобой игнор. Хорошо, Майкл заедет за тобой, отвезет в ресторан и будет сопровождать, не отходи от него ни на шаг. Поняла?

Я хмыкаю от этого приказного тона и закатываю глаза.

Мистер Холд, вы встали не с той ноги?

Выезжаю с подземной парковки и двигаюсь в сторону дома подруги. Краем глаза замечаю новое сообщение. Хихикаю и решаю немного помучить его.

Горит красный, и я беру в руки телефон.

Ник:

Мисс Пейн, не выводите меня из себя. Я не услышал вашего ответа.

Я снова закатываю глаза.

Мистер Холд, я неглупая, поняла. А вы где в это время будете?

Мне сигналият сзади, и я, держа в руках мобильный, продолжаю движение. Еду специально медленно, чтобы постоять на следующем светофоре, и мне это удастся.

Ник:

Я немного задержусь, за что приношу свои извинения. Дал обещание и придется его выполнить, но будь на месте и жди меня.

Я могу подождать и дома.

Теперь во мне бурлит недовольство, я провернула такую кампанию для того, чтобы сбежать из дома, а он, видите ли, задерживается.

Ник:

Нет, Мишель! Ты сделаешь так, как я говорю. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты с Майклом и в условленном месте. Все ясно?

Ты злой и грубый, Ник! Еще один приказ, и я пошлю тебя далеко и надолго!

Я сильнее сжимаю руль и уже давя на газ, бросив телефон на сиденье рядом. Сообщение не заставляет себя ждать, но я специально не обращаю на это внимания.

Только когда оставляю машину на парковке, открываю сообщения.

Ник:

Прости, крошка, мне жутко капают на мозги родители, и это меня раздражает. Я нахожусь сейчас не там, где хотел бы быть.

Ник:

НЕ ИГНОРИРУЙ МЕНЯ! ЭТО МЕНЯ ТОЖЕ РАЗДРАЖАЕТ!

Я хихикаю и захожу в лифт, нажимаю на пятый этаж. Теперь я знаю, у него в Торонто живут родители, и он на выходные ездит к ним. Мило.

У тебя снова кнопочка заела, Ник, пора сменить аппарат.

Выхожу из лифта и стучусь в дверь, через две минуты мне открывает радостная подруга, и я оказываюсь в ее объятиях.

– Привет! – Она пропускает меня в квартиру.

– Привет! – Улыбаясь ей, снимаю пальто и вешаю в шкаф.

На экране телефона мигает конвертик.

– Наконец-то твой суровый папочка тебя отпустил. Боже, Миша, у меня такие планы. Значит, так, сначала мы поедem в ресторанчик с ребятами. Да, я тут познакомилась с одним, и у него есть друг. А потом мы пойдem в клуб, если они нам понравятся... хотя мы и так пойдem в клуб, – обрушивает она на меня поток информации.

– А-а...

– Ты взяла что-нибудь кроме джинсов и блейзера? – Сара критически осматривает меня, взгляд цепляется за сумку в моих руках, и ее глаза начинают возбужденно и радостно блестеть.

– Сара, я... ну, в общем, ты можешь меня прикрыть? – выдавливаю я, мне жаль рушить планы подруги.

– Что? – Она обиженно выпячивает нижнюю губу.

– Ник пригласил на ужин, а меня не отпустили бы, если бы я сказала об этом. Нет, отпустили бы, да еще и пожелали счастья, но я не хочу, чтобы это дошло до отца, – виновато объясняю, и подруга снова полна энтузиазма.

– Да ладно! – визжит она и, хватая меня за руку, тащит в свою спальню.

– Да, вчера он был в оперном театре, и я согласилась с ним только поужинать, и не более. – Я стараюсь оборвать ее уже забегающие вперед фантазии, но Сара даже не слышит меня.

– И что ты наденешь? Одуреть! Боже, как круто! Ну, он молодец, уломал тебя! – продолжает она бурно высказывать восторг, мечась по спальне, пока я расстегиваю сумку, достаю платье и демонстрирую ей.

– «Дольче», – Сара останавливается и довольно кивает. – Ты его еще не надевала.

– У меня два, и я не знаю, какое выбрать, – признаюсь я и достаю второе платье.

– Оу, давай ты мне продемонстрируешь, и мы решим, – предлагает она, и я киваю.

Тут же вспоминаю, что мне пришло сообщение от Ника, и беру телефон.

Ник:

Черт, крошка, ты заставляешь меня улыбаться даже через мобильную связь.

Господи, и мне нравится это! Меня до идиотизма в голове заряжают его слова!

– Ник? – Сара стоит рядом со мной и хитро улыбается.

Я закрываю сообщение и бросаю телефон на кровать.

– Возможно, – пою я, доставая из сумки две пары туфель и аксессуары.

– Миша, ты так... возможно... случаем... не влюбилась? – спрашивает она, а я недовольно смотрю на нее.

– Нет, Сара, я не влюбилась. Он иногда бывает веселым, – пожимаю я плечами и решаю сменить тему разговора. – Садись, я начинаю шоу.

Она падает на постель и выжидающе следит за мной. Мы веселимся под музыку, прыгаем, и я чувствую, что живу сейчас... тут. Мое сердце бьется, и я вдыхаю реальный воздух.

В итоге мы выбираем черное платье с открытыми плечами и красные бархатные лодочки. Сара настолько поглощена моими сборами на «свидание», что я ощущаю себя подопытным кроликом. Она завивает мне волосы, делает макияж. На этом, слава богу, все заканчивается. И я, на удивление, еще жива и не опаздываю.

– Миша, там какой-то бугай, говорит, что за тобой. – Подруга входит в спальню, когда я критически осматриваю себя в зеркало.

– Это Майкл, шофер Ника, – бросаю я и, подхватывая клатч, выхожу.

– Ты же мне все расскажешь, да? – шепчет она, следуя за мной.

– Да, – вздыхаю я и вижу внушающего своими размерами Майкла. – Добрый вечер, – говорю ему, и он кивает.

Хм, общение явно не его конек.

– Удачи. – Сара целует меня в щеку, и я выхожу вслед за мужчиной.

В молчании мы спускаемся и выходим из дома, подходим к знакомому внедорожнику. Майкл услужливо открывает мне дверь и предлагает руку. Опираясь на нее, я поднимаюсь на ступеньку и скрываюсь в салоне «Кадиллака Эскалейда». Мы едем в тишине, а мое сердце нещадно стучит. Безумно нервничаю, а ведь это всего-навсего ужин. Обычный ужин с мужчиной. Я стараюсь успокоиться и, закрыв глаза, делаю дыхательные упражнения, немного расслабляясь под классическую музыку. Машина плавно останавливается, и я открываю глаза, замечая, что мы снова у знакомой башни.

Никакой фантазии.

– Мисс Пейн, у меня приказ подняться с вами в ресторан и быть рядом с вами, пока не придет мистер Холд. По моим данным, он будет примерно через пятнадцать минут, – сухо сообщает Майкл.

– Делайте свою работу, – безразлично пожимаю я плечами и раздражаюсь. Мог бы быть поприветливее со мной.

Он кивает и заглушает мотор, выходит из машины и помогает мне спуститься. Заблокировав «Кадиллак», он указывает рукой, чтобы я шла вперед. Сохраняя на лице маску холодности, с гордым видом прохожу мимо него. Знакомый путь до тридцатого этажа проходит в молчании. У гардероба Майкл помогает мне раздеться, а когда я беру номерок, недовольно смотрит.

Да, я самостоятельная, и нечего так на меня смотреть!

Мы подходим к той самой Шанне, и она, прищурившись, осматривает меня. Я улыбаюсь ей самой сладкой своей улыбкой, словно говоря: «Да, детка, я вернулась».

– Столик для мистера Холда, – раздается голос Майкла, и девушка моргает.

– Добрый вечер, мы рады видеть вас в нашем ресторане. – Ей явно не нравится, что Ник снова пригласил меня, в ее тоне сквозит зависть.

Во мне просыпается то самое чувство превосходства, и я больше не нервничаю. Довольна происходящим.

Замечаю, что сегодня ресторан полон, и надеюсь, что тут не будет знакомых папы. Иначе мне шею свернут.

Шанна ведет нас к тому же самому столику в конце зала, и я ощущаю на себе заинтересованные взгляды. Черт, это так приятно, что не могу сдержать улыбку и словно парю в воздухе. Уже не помню, когда я в последний раз ловила на себе столько восхищения, ведь последние два года я выбираю только недорогие кафе и бары. Сейчас я понимаю, что мне нравится быть частью элиты. Мне нравится соответствовать этому миру, но червячок по имени Люк тут же появляется в голове, и я, хмурясь, сажусь за стол, лицом к залу.

– Мистер Холд сделал заказ, можете исполнять, – приказывает Майкл и присаживается на соседний стул вполоборота ко мне.

– Конечно. – Шанна натягивает услужливую улыбку и удаляется, оставляя нам меню.

Я отворачиваюсь к окну.

Люк не звонил мне, не писал и полностью игнорировал. Я чувствую себя гадко, как будто предаю его, но ведь это только ужин. Всего лишь обычное общение, которое я разрешаю себе. Не более. Никакого продолжения. Утолить свой интерес и на этом поставить точку. Правда?

– Добрый вечер, ваше шампанское, – произносит мужской голос, и я поворачиваю голову. Мне демонстрируют бутылку «Дом Периньон Розе», и я кивком подтверждаю заказ.

Сомелье с ловкостью откупоривает бутылку и наливает в один бокал – мой. Поставив бутылку в ведро, он отходит в сторону и ожидает, когда я его позову.

Беру в руки бокал и немного отпиваю, глядя невидящим взглядом впереди себя. Вокруг люди бурно обсуждают прошедшую неделю, где-то раздаются взрывы хохота, и я чувствую себя глупо. Вся восторженность сразу же улетучивается, и обстановка начинает давить на меня. Кажется, что я сижу одна целую вечность.

– Нам долго ждать? – недовольно произношу я, оборачиваясь к Майклу.

– Ждать, – отрезает мужчина, продолжая смотреть в глубь ресторана.

С меня хватит! Вырядилась, как последняя дура. А он разыгрывает партию, в которой и меня видит пешкой. Довольно. Ухожу.

Десятый шаг

Неожиданно Майкл подскакивает, я удивленно смотрю на него.

Больной идиот. Да и я не лучше. Пора встать и уйти. Пора, но отчего-то не могу. До боли обидно, что до сих пор жду.

Вздыхаю, обещая себе потерпеть еще десять минут, а затем молча сбежать. Перевожу взгляд туда, куда смотрит Майкл. Мимо столиков идет Ник, а рядом чуть ли не скачет улыбающаяся Шанна. Я замираю, и сердце снова начинает ускорять свой ритм, а ладони потеют. Это он.

Николас Холд действительно эффектный мужчина. Его нельзя не заметить. Нельзя пройти мимо, не обернувшись. Нельзя игнорировать. Не зря он такой самонадеянный. Я сглатываю, когда он подходит к столику, и только сейчас замечаю увесистый букет красных роз.

– Мишель, – в его голосе слышится облегчение.

Я улыбаюсь и встаю из-за стола. Выгибая бровь, снова смотрю на цветы, а Ник медленно и лениво проходит глазами по моей фигуре и встречается со мной взглядом.

– Ник, – произношу я и слегка киваю. Мне становится неловко, потому что я замечаю, как сидящие за ближайшими столиками наблюдают за нами.

– Приношу свои извинения за такое длительное ожидание. Это тебе, – говорит он, указывая на букет.

– Мило, – пожимаю я плечами и стараюсь не рассмеяться.

– И опять твое мило, крошка, – улыбается он и поворачивается к Шанне, которая, не отрываясь, смотрит на него.

– Шанна, поставь цветы в воду и позови официанта. После заказа нас тревожить только в крайних случаях. Точнее, не подходить, пока не позову, – официально и сухо говорит он ей, и она кивает, сдуваясь на глазах. – Спасибо, Майкл, верни мою машину в гараж и ожидай нас внизу. – Ник передает мужчине ключи, он кладет их в карман и оставляет нас одних.

Возвращаюсь за столик. Ник, расстегнув пуговицы на пиджаке, тоже садится, жестом разрешая сомелье налить ему бокал шампанского. Отвожу от него взгляд, но всей кожей ощущаю его на себе. Наверно, я слишком вырядилась.

– Ты очень сексуальна, – низким голосом произносит Ник, и я поднимаю голову. – Слишком сексуальна, мне это не нравится, – добавляет он уже жестче.

– Главное, чтобы мне нравилось, – заявляю я.

– А тебе нравится, когда на тебя все мужики пускают слюни? – Он берет бокал шампанского и делает глоток.

– А ты пускаешь слюни? – нагло спрашиваю и повторяю его движение.

– Нет. Мои слюни при мне, а вот с реакцией своего тела ничего не могу поделать. У тебя есть опция «скорая помощь»? – Он бросает мне вызов, а я чуть не давлюсь шампанским.

От едкого ответа меня спасает подошедший официант, и я благодарно улыбаюсь ему. Зато Ник бросает на него уничтожающий взгляд, и парень сглатывает.

– Добрый вечер, вы готовы сделать заказ? – нервно осведомляется он.

– Выбирай ты, – обращаюсь я к Нику, – в прошлый раз мне все понравилось.

– Спасибо за доверие, крошка, – отвечает он и делает другой заказ.

Официант быстро записывает и ретируется.

– Я прочитала книгу о психологических образах, которые примеряют на себя люди, – меняю я тему, и Ник удивленно приподнимает бровь.

– С чего такое желание?

– Хотела разобраться в тебе, – признаюсь я.

– И каково твое мнение? – усмехается он.

– Оно не изменилось. – Я беру бокал с шампанским и делаю глоток.

– Интересно. Поделишься? – Ник откидывается на спинку стула.

– Ты пытаешься раскрыть мою сущность, в то же время скрывая свою. Много приходится утаивать от самого себя? – Прищуриваясь, перебираю в памяти все умные слова, которые прочла.

– От себя ни капли. А вот от других достаточно, как и тебе. Меня волнует один вопрос... – Он не сводит с меня взгляда, и я кручу в руках ножку бокала.

– И? – нетерпеливо произношу я.

Ник улыбается, медленно отставляя бокал, словно специально выводит меня на эмоции.

– Зачем ты ходила на тот фильм, если так красноречиво высказывалась по поводу его главной темы? – четко произносит он, придвигаясь ко мне.

– Ты все слышал, – шепчу я, и отчего-то меня накрывает горячей волной стыда за свои комментарии.

– Ты видела, где было мое место. Позади тебя. Так зачем? Интерес или же нечто иное?

– Подруга попросила с ней сходить. И да, ты прав, мое мнение осталось прежним. Я не понимаю, откуда такой интерес к боли, когда это ужасно. Только люди, превратившиеся в чудовищ, могут уверять, что она прекрасна, – с отвращением кривлюсь, допивая шампанское.

Ник кивком подзывает сомелье, требуя обновить бокалы, а я ощущаю, как алкоголь смешивается с кровью и немного туманит окружающий мир.

– Люди порой не представляют, что хотят на самом деле, – подает голос Ник, когда нас оставляют одних.

– Вряд ли нормальный человек жаждет ощутить боль, – качаю я головой.

– На практике все иначе, Мишель. Есть иной вкус боли, который ты можешь попробовать, только перейдя грань.

Я вглядываюсь в глаза Ника, которые в момент темнеют, а голос становится сладок, словно шоколад.

– У боли один вкус – гнили. От нее не отмыться и не спрятаться. Я никогда не пойму людей, которые выбирают такой путь. Особенно тех, кто это предлагает, – отрезаю я. – А как ты вообще оказался там?

– Райли пригласил. Это был вынужденный поход, – пожимает он плечами, и я растягиваю губы в улыбке.

Ник вопросительно приподнимает брови.

– А меня Сара. Если они увлечены такого сорта фильмами, возможно, следует их познакомить друг с другом, – произношу я.

На секунду его лицо вытягивается, а затем он начинает хохотать.

– Что я такого сказала? – обиженно выпячиваю нижнюю губу.

– Ничего, крошка. Ты забавная. – Откашлявшись, Ник тянется за бокалом.

– Спасибо, дал оценку как мартышке, – бубню я недовольно.

– Мишель, посмотри на меня, – требует он сурово, и я нехотя подчиняюсь. – Еще раз так скажешь, придумаю тебе изощренное наказание. В том, что я смеюсь, нет ничего плохого. Наоборот, это означает, что мне нравится быть с тобой. Поняла?

Он раздражен, и я чувствую это. Ник отводит от меня взгляд и смотрит на скатерть. Алкоголь в крови просыпается, и я вспоминаю отрывки из книги, которую читала.

– Кто ты, Ник? – вырывается вопрос.

Он резко поднимает голову и прищуривается.

– Я не знаю о тебе ничего, а ты обо мне все. Ты изучил меня, а я не могу. Ты не даешь, – поправляюсь я.

– Что ты хочешь узнать? – спокойно спрашивает он.

– Твои родители живут в Торонто?

- Да.
- Чем ты занимаешься?
- Всем.
- Где ты родился?
- Берлингтон.
- Сколько тебе лет?
- Двадцать восемь, родился восемнадцатого декабря одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года.
- Ты женат?
- Нет. – Он изгибает губы в улыбке.
- Ты гей?
- Что? – выдыхает он, а я закрываю рот рукой, не понимая, как такое вообще вырвалось.
- Ох, прости...
- Нет, Мишель, я не гей. – Ник подавляет желание рассмеяться, а я чувствую себя неловко. – И разве был бы я здесь, если бы предпочитал мужчин? Наслаждался бы твоим присутствием?
- Вы с Райли похожи. Родственники? – Я перевожу тему, покусывая губу, чтобы не расплыться в самодовольной улыбке.
- Нет, мы росли вместе, практически как братья, – отвечает он.
- От следующего вопроса его спасает официант с нашим заказом, и я улыбаюсь, глядя на изысканное блюдо из крабов, которое ставят передо мной.
- Спасибо. Ты каждый раз угадываешь мои предпочтения, – обращаюсь я к Нику и беру в руки приборы.
- Всегда, пожалуйста, Мишель. Мне приятно знать и наблюдать, как ты краснеешь. – Он склоняет голову и расправляет на коленях салфетку.
- Почему ты зовешь меня полным именем? – интересуюсь я и отрезаю кусочек аппетитного блюда.
- Потому что Миша, как тебя называют, тебе не подходит. Это мужское имя, а ты более чем женщина, – поясняет он.
- А почему...
- Ешь, крошка. Сначала поешь, а потом продолжишь свой допрос, мы никуда не спешим сегодня, – перебивает он меня и указывает взглядом на тарелку.
- Я принимаюсь за еду, краем глаза замечая, что Ник не особо-то и голоден. Он не спускает с меня изучающего взгляда. Ощуаю себя на каком-то шоу, где будут оценивать мои манеры. Это меня нервирует, но я не желаю этого ему показывать.
- Вчера ты меня удивила, Мишель, – неожиданно произносит Ник, откладывая приборы и отодвигая от себя тарелку.
- Чем? – удивляюсь я.
- Тебя сильно впечатлила любовь на сцене, – подсказывает он, и я вновь ощуаю неловкость за свои эмоции.
- Меня не это тронуло, – тихо отвечаю я, опуская взгляд на живые цветы в центре столика. – Когда на твоих руках умирает человек, ты чувствуешь потерю, и неважно, кем он был для тебя. Это человеческая особенность, и только у сухарей не возникает чувства сострадания и жалости. К тому же ария была красивой.
- Ник хмурится, обдумывая мои слова. А я тереблю салфетку на коленях, ожидая новой усмешки.
- В любовь я не верю, – торопливо произношу я.
- Не веришь? Почему? – В его голосе нет удивления, обычная заинтересованность.

– Потому что любовью люди называют сексуальное притяжение, гормоны, зрительное наслаждение человеком. Они хотят быть необходимыми и придумывают эти чувства себе, а затем интерес гаснет. Никакой глубины, никакого продолжения, как вспышка фотокамеры. Она есть и тут же исчезает, не оставляя в тебе ничего, кроме ярких точек перед глазами. Безысходность, в которую люди хотят верить, – произношу я задумчиво.

– А влюбленность? Есть ли между этими словами хоть какое-то различие? – интересуется он.

– Не верю. Та же химия, все можно объяснить научно, но для слуха приятней возвышенные слова, хотя на самом деле это просто обман. Обман всего, во что ты хочешь верить. Влюбленность, как пишут, психологическое расстройство головного мозга, а любовь – зависимость. Тот же самый наркотик, – отвечаю я, и мне становится грустно.

– Это тебя расстроило, Мишель. Почему? – Ник с легкостью угадывает мое настроение, отчего я горько усмехаюсь.

– Потому что мир черный и белый, иногда хочется других красок, а их нет. Не бывает, только так. Ты или падаешь, или балансируешь на неустойчивом склоне, чтобы не сорваться вниз, – честно отвечаю я.

– Нет, Мишель, ты ошибаешься. Мир не делится на плохое и хорошее. Он делится на фантазию и реальность. Но всегда можно раскрасить свою жизнь, следуя истинным желаниям. Только они помогут понять, во что ты веришь на самом деле.

Мягкий голос Ника ласкает меня с противоположного конца стола и отзывается во мне неким спокойствием. Смотрю на него и слабо улыбаюсь, отмечая, насколько мне комфортно сейчас с ним.

– А ты следуешь своим реальным желаниям? Ты знаешь, чего хочешь? – интересуюсь я.

– Да. Мой ритм жизни отлажен до мельчайших подробностей. Но порой случаются непредвиденные обстоятельства вроде родителей, которые заставляют тебя не показывать себя настоящего. Зачем растрчивать минуты на то, что пошатнет душевное равновесие? Лучше этого не начинать, – уверенно произносит он.

– А если нет выбора?

– Выбор всегда есть, Мишель, только большинство под чувством страха и навязанных понятий двигаются в неправильном направлении, не хотят принимать очевидного и сливаются с массой, – мягко отвечает Ник.

Я замолкаю и понимаю, что мы не называем имен, но говорим обо мне и моей семье. Горло сдавливает спазм, и я моргаю, чтобы не портить настроение.

– Мишель, – тихо зовет меня Ник, и я концентрирую на нем затуманенный взгляд.

– Да?

– Тебе не нравится твоя жизнь?

– С чего ты взял?

– Ответь. Постарайся ответить честно, ведь я честен.

– Нравится, у меня все есть: деньги, стабильное будущее, семья, друзья. Да мы и не выбираем свою жизнь, она такая, какая есть. – Я натягиваю улыбку и допиваю шампанское, принимая непринужденный вид.

– Врешь, но я не виню тебя. Принимаю. Почему ты не хочешь впустить меня в свою жизнь?

Этот вопрос обескураживает меня, и я недовольно отворачиваюсь к окну, но желание докопаться до его истинных мыслей одерживает верх, и я резко поворачиваюсь и спрашиваю:

– Зачем тебе это? Тебе плохо в твоей тайной жизни?

– У меня не тайная жизнь, крошка. Я ее не демонстрирую каждому встречному, это личное пространство, в которое я не допускаю посторонних.

– Зачем тебе я? Ты сам сказал, у тебя все прекрасно, размеренно, и, уверена, девушки за тобой толпами бегают. А я не собираюсь с тобой спать, у меня есть парень, – заявляю я и удерживаю его холодный взгляд.

– Заметь, не я упоминаю о сексе, Мишель, – усмехается он, а я скриплю от злости зубами. – Но ты не можешь отрицать, что между нами существует больше, чем общение, – парирует он и пытается вытянуть из меня душу. Это еще больше выводит меня из себя. Его уверенность возмущает до яростно бьющегося сердца.

– Не могу понять тебя, – тихо произношу я.

– Тебе и не надо понимать меня, ты должна просто расслабиться рядом со мной и дать мне возможность заботиться о тебе. Ты должна быть в первую очередь женщиной, а не бороться со мной. Это только заведет тебя в тупик. А в данный момент ты именно туда и идешь, лишь из-за страха отвергая саму себя. Это глупо, – цокает он языком и щелкает пальцами.

Официант тут же подходит к столику.

– Счет, – бросает Ник, и парень, собрав тарелки, уходит.

Одиннадцатый шаг

Откидываюсь на спинку стула и беззастенчиво смотрю на него. Красивый и холодный. Я чувствую, что Ник одинок. Для меня он загадка, тайна, которую невозможно раскрыть, но я хочу этого. Возможно, сейчас я рассуждаю под действием алкоголя, но желание понять его не отпускает меня. В то же время заторможенное сознание доносит до меня его слова, которые он бросил мне, обвиняя в глупости. Но он ничего не знает. Ни капли не представляет, чего я опасаясь. Его. До жути боюсь узнать вкус падения.

Эти мысли вызывают ледяное покалывание на коже, и мне необходимо себя чем-то занять. Открываю клатч и достаю телефон, где мигают пропущенные звонки и три сообщения.

– Положи обратно, – резко говорит Ник.

– Да пошел ты, – шепчу я и назло ему просматриваю входящие.

– Мишель, не выводите меня. Ты здесь со мной, черт возьми, так ведите себя вежливо хотя бы эти минуты, – яростно произносит он.

– Ник, отвали, я всего лишь проверяю пропущенные звонки. – Я поднимаю голову и вижу, что он просто кипит. Его грудь поднимается чаще, и он режет меня острыми краями горького шоколада глаз.

– Как же я хочу заткнуть тебя, Мишель. Ты намеренно выводил меня из себя, только ничего не пройдет безнаказанно. Я никому не позволяю так со мной разговаривать, а тем более неуверенной в себе, вульгарной девице, которая бежит от себя. Но я не собираюсь наблюдать за этим, поэтому вспомни все, чему тебя должны были научить, и стань настоящей. Прекрати играть, ты не пешка, а выглядишь именно такой. Управляй сама своей жизнью, сейчас же ты лишь воск, – грубо говорит он.

От его слов я задерживаю дыхание. Я чувствую, что к горлу подкатывается комок, и пытаюсь сглотнуть его, но ничего не выходит, и я просто опускаю голову, чтобы побороть туман в глазах. Никто так со мной не говорил. Открыто. Четко. Больно. Обидно. А он... все позволяет себе.

Мои руки крепко сжимают телефон, я готова бежать.

– Крошка... черт, Мишель, только не плачь. Не заставляй меня чувствовать себя уродом, но ты заслужила это. Ты специально делаешь то, что я ненавижу. Я требую, чтобы ты была честна со мной. Но ты прячешься. А я все вижу, Мишель, буквально все, потому что понимаю тебя. Ты играешь со мной, но этого не стоит делать. Это может плохо кончиться... для тебя.

Я не могу понять ни одной эмоции в нем, и это еще больше усугубляет мое положение.

– Я не собираюсь плакать, Ник. – Я вкладываю в слова как можно больше презрения. – Ты мне никто и не имеешь права отчитывать меня или унижать. Следи лучше за собой и своей великолепной жизнью. Я буду делать то, что считаю нужным, а твои вспышки ярости меня тоже раздражают. Обратись к психологу, это необходимо лечить, а то на людей начнешь бросаться лишь потому, что на тебя не так посмотрели. И не угрожай мне, это не в твоей власти. Ты ни черта не видишь, кроме себя. Я тоже требую, чтобы ты оставил меня в покое. Прийти сюда было ошибкой.

Хочу вскочить и уйти. Но понимаю, что это будет выглядеть по-детски, поэтому стойко сношу его молчаливое негодование.

Официант с аппаратом для кредитной карточки появляется вовремя, и все внимание Ника переключается на него.

Я все же опускаю глаза, назло ему, чтобы доказать себе – он не прав. Я другая, а он ничего не знает обо мне. А весь этот фарс я ощутила лишь под действием алкоголя. Не более. Читаю сообщения.

Люк:

Привет. Я понимаю, что ты не хочешь меня показывать друзьям и родителям. Я правда понимаю, Миша. Может быть, завтра погуляем?

Эти слова трогают мою душу, напоминая, что я не одна, а Ник всего лишь пытается давить на меня, использовать.

Привет, я тоже соскучилась по тебе. Завтра для тебя я свободна, прогуляю тренировку, возможно, получится уговорить папу отпустить меня вечером. Но в первой половине дня я свободна.

Отправляю сообщение.

– Если ты закончила демонстрировать мне, как отвратительно тебя воспитали, мы можем идти, – холодно заявляет Ник, и я поднимаю голову.

Он смотрит на меня с нескрываемой дикостью. Уверенно вскидываю подбородок и встаю. Хочу показать ему, что не боюсь его ни капли. И пусть это не так, но он никогда об этом не узнает.

Ник хватается за руку и ведет за собой. Я лишь поджимаю губы. Не закатывать же сцену посреди ресторана?

– Цветы, – вспоминаю я, а мой мучитель зло поворачивается.

– Я приказал, чтобы их забрала Шанна. Для тебя это всего лишь мило, – язвительно отвечает он.

– Так можешь остаться тут, и пусть она ублажит тебя за них. Ты ведь потратился, – ядовито произношу я.

Он резко дергает меня за руку и буквально тащит за собой. Мы пролетаем мимо растекшейся по полу от восхищения швабры-Шанны и подходим к гардеробу.

– Отпусти, мне больно, – шиплю я, делая попытку освободиться.

– Будет больнее, – фыркает он. – Где твой номерок?

Я кручу перед его лицом клатчем, и он вырывает его из моих рук. Я ничего не соображаю, а надо было, потому что тогда я бы поняла и уловила тот момент, когда вошла в клетку с опасным зверем. И самое глупое, что я играю с ним, распаяя его с каждой секундой все сильнее.

– Прекрати, черт возьми, так себя вести! – возмущенно говорю я.

Он смеряет меня гневным взглядом, но отпускает.

Потираю запястье, пока Ник с суровым видом забирает мое пальто, а затем надевает его на меня.

Пытаюсь отскочить, но он не дает, и снова моя рука в его хватке.

– Ник, мне больно! – Я ударяю его по плечу, но он даже не двигается. Его губы плотно сжаты, желваки играют.

Я уже готова расплакаться от страха, но изо всех сил держусь.

Открывается лифт, выпуская новых гостей ресторана, и мы входим в него.

Он нажимает на первый этаж и разворачивает меня к себе, сжимая до хруста плечи.

Я слышу свое громкое дыхание, и мое тело предает меня и начинает дрожать от его безумного взгляда. Глаза потемнели настолько, что едва не сливаются с расширенными зрачками.

– За что ты так со мной? – От напряжения я теряю голос.

– Я хочу задушить тебя за твои слова, за твое поведение, за твое издевательское отношение. Это ты мне скажи, за что ты так со мной? Тебе нравится общаться со швалью, которая только использует тебя? – Он рычит, и его голос разносится эхом по маленькому пространству.

– Ты не имеешь права так обзывать незнакомых тебе людей. Кем ты возомнил себя? Ты не уважаешь никого, кроме себя! Но и я тебя не собираюсь уважать. А люди достойны этого, – обвинительно отвечаю я.

– Достойны?! – Он уже срывается на крик, и я вздрагиваю и жмурюсь. – Ошибаешься, Мишель, люди ничего не достойны, пока не проявят себя. Вот тебе еще одна правда жизни: каждый человек использует другого себе во благо, превращая его в пешку, которой тебе быть удобно!

От злости и обиды я толкаю его в грудь, от неожиданности он делает шаг назад. Мне хочется ударить его еще раз.

– Кто тебя так обидел, Ник? Кто тебя использовал, что ты стал таким монстром? У людей хотя бы есть сердце, а в тебе один лед. Но когда-нибудь он растает, и ты сгоришь! Сгоришь один. Лучше я буду пешкой, но не в твоих руках! – кричу я, и дверцы раскрываются.

Вылетаю из лифта, задевая его плечом. На высоких шпильках сложно идти быстро, и я ненавижу себя за то, что испытывала к этому человеку симпатию. Меня бьет дрожь от адреналина, я ни разу в жизни не испытывала такую встряску.

Оказываюсь на улице, судорожно ища варианты, как добраться до Сары. Такси – самый верный способ. Но я не успеваю сделать шаг, как меня хватают за руку, затаскивая обратно в здание. Вскрикиваю, и уже прижата к стене, а надо мной нависает Ник.

– Мишель, не оканчивай этот вечер так. Я планировал все иначе, но ты все разрушила своим показным характером. Зачем? Неужели твой обман намного важнее настоящей тебя? – шепчет он прямо мне в лицо.

Я пытаюсь вырваться, но он удерживает меня за талию.

– Оставь меня... черт бы тебя побрал, Ник! – Ударяю его по плечам, а губы трясутся, как и голос. – Ты самый ужасный человек, самый черствый и агрессивный в этом мире. Ты пытаешься залезть в мою душу. Зачем? Это ты ответь, в чем твоя выгода? Ты обижаешь, не замечая этого.

– Да, я такой. Я не притворяюсь в отличие от тебя. Я прошу прощения за то, что могло обидеть тебя, крошка. Уверен, что ты переписывалась со своим Люком, и это раздражает. Ты прячешься за ним, хотя разумом понимаешь, что это конец. Ваш конец. Ты была со мной. Со мной, черт, но унизила меня, показав, насколько я тебе неприятен. И врешь, но врешь только себе. – Ник продолжает держать меня, а я прерывисто дышу, пытаюсь уговорить сердце.

От его правды страшно.

– Слова нельзя удалить из памяти. Отпусти меня, Ник, потому что ты мне действительно неприятен. Но я не хочу устраивать сцен и всего лишь желаю отправиться отдыхать. Я совершила глупость, подумав, что ты можешь быть человечнее. – Я стараюсь сделать все, чтобы мой голос звучал холодно, и чувствую, что он подчиняется мне.

Я на секунду закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Мне необходим кислород, воздух вокруг спирт и пронизывает меня иголками.

– Мистер Холд, – из ниоткуда появляется Майкл и смотрит попеременно то на него, то на меня.

– Мишель, я отвезу тебя домой, как и полагается, – беспрекословно говорит Ник, отходя от меня на шаг.

– Хорошо, – сухо киваю я.

Внутри меня словно пронесся тайфун, и я теперь ощущаю усталость во всем теле. Мы идем к машине, Майкл открывает дверь и помогает мне сесть. Ник больше не делает попыток воздействовать на меня.

– Майкл, по тому адресу, откуда вы забирали меня, – команду я.

Шофер, обернувшись, ждет подтверждения от босса, и тот кивает.

Машина начинает плавное движение, а из колонок раздается Вивальди. Я откидываюсь на подголовник и смотрю в окно на пробегающие пейзажи.

– Почему ты ночуешь у Сары? – слышу тихий и спокойный голос Ника.

– Потому что благодаря тебе я наказана, а чтобы встретиться с тобой, мне пришлось соврать, что пойду с подругой в бар. И я чертовски сожалею, что ложь не оказалась реальностью, – грубо отвечаю я.

– Хочу тебя видеть завтра. – Он удивляет своей решимостью добить меня до конца, и мне становится смешно.

– Твои проблемы, – равнодушно произношу я и через секунду добавляю: – У меня свидание с моим нежным и замечательным парнем.

Атмосфера в салоне резко меняется, и я уже мысленно ругаю себя за эту нелепую попытку показать Нику, что он мне не нужен. Я подставляю под удар Люка. У Ника неконтролируемые вспышки ярости, и от него можно ожидать всего, что угодно.

– Ты хочешь узнать, кто я такой? Почему так веду себя и что хочу от тебя? – стальным голосом спрашивает он, и я поворачиваю голову в его сторону.

– Мне это больше неинтересно, – вру я.

– Если передумаешь, то вот... – Он роется в кармане переднего сиденья и достает лист и ручку, что-то быстро пишет и протягивает мне. – Это адрес моей квартиры. Завтра с семи вечера буду ждать тебя. Если ты не придешь, то я больше не стану мешать тебе жить в твоём выдуманном мире.

Я не двигаюсь и ошарашенно смотрю на него.

– Сколько трупов оттуда вывезли? – язвительно произношу я.

– Не паясничай, Мишель. Никто не знает о ней, кроме нескольких лиц, которым я доверяю. Ты первая девушка, кому я сообщаю свое место жительства. – Он отворачивается к окну.

Я беру в руки лист и сворачиваю его вчетверо.

– Почему? – хмурюсь, совершенно сбита с толку.

– Потому что я выбрал тебя, – едва слышно отвечает Ник.

Убираю лист в карман пальто, но точно знаю, что никуда я не пойду. В мои планы не входит смерть в девятнадцать лет.

Остальную часть пути мы проводим в мрачном молчании.

Мысли путаются, давление скачет так резко, что в ушах стоит шум, а в висках стучит. Я желаю только поскорее добраться до квартиры Сары и встать под душ, чтобы смыть с себя этот ужасающий вечер.

Машина останавливается.

– Майкл, выйди. Оставь нас, – отдает приказ Ник.

– Я...

– Две минуты, Мишель. – Он поворачивается ко мне, и я слышу в его голосе просьбу, что уже ново.

Шофер послушно выходит. Я боюсь Ника, боюсь так сильно, что сжимаю свой клатч, словно оружие. Я не знаю почему, но в голове пульсирует одна-единственная мысль: «Беги. Спаси свою жизнь!»

– Я не тот, за кого ты меня принимаешь. У меня на все есть объяснение. Завтра, если ты придешь, я отвечу на любой твой вопрос. Я не могу контролировать себя, потому что ты противилась мне и себе. Тебе необходима ясность. Ты ошиблась: меня не заводит противостояние, наоборот, я человек, который не заставляет, а лишь предлагает. Я всегда контролирую свою жизнь. А с тобой все рушится, как карточный домик. Ты хотела узнать меня, я готов рассказать тебе все, но не могу это сделать в данный момент. Тебе необходимо все обдумать и осмыслить. А сейчас я еще раз приношу свои извинения.

Я жмусь от переизбытка информации.

– Ты меня так пугаешь, Ник, – шепчу я.

– Ты меня тоже, – отзывается он.

– Ответь мне на один вопрос, который не дает мне покоя, – прошу я.

– Хорошо.

– Почему вчера ты не поцеловал меня?

– Потому что... – он замолкает, и я слышу его глубокое дыхание. – Потому что я не целуюсь, Мишель. Я не целую девушек в губы. Никогда. Для меня это табу, это неприемлемое и нерушимое правило.

– Я рассчитывала на честный ответ, ведь ты так гордишься этой своей чертой, – фыркаю я от такой глупой лжи.

Разворачиваюсь, чтобы открыть дверь, но он обнимает меня за талию, притягивая к себе.

– Я ответил честно, крошка. Как бы я ни хотел, чтобы ты пришла ко мне завтра, не стану целовать тебя в губы. Никогда.

Он опалает горячим дыханием мое ухо, а до меня доходят его слова, но принять их нереально.

– Почему? – выдавливаю я.

– Я не могу сказать этого сейчас. Но, Мишель, я буду надеяться на встречу и тогда поделюсь с тобой.

– Новый рекламный ход? – хмыкаю я.

– Нет. Я уже говорил, что оберегаю свою жизнь и не доверяю никому, кроме Райли. Даже тебе я не могу верить. Ты не даешь мне возможности этого сделать.

Я жмурюсь так сильно, что это приносит боль, и глаза начинают гореть. Ник до сих пор держит меня за талию, но не делает никаких попыток соблазнить. Он просто ждет.

– Мне надо идти, – одними губами говорю, и он отпускает меня.

– Доброй ночи, Мишель. Спасибо, что согласилась поужинать со мной, – говорит Ник мне в спину.

Выскакиваю из машины так быстро, что чуть не падаю, но удерживаю равновесие. Не оборачиваясь и не прощаясь, закрываю за собой дверь. Быстрым шагом иду к дому, захожу внутрь и останавливаюсь, прислоняясь к стене, чтобы позволить себе дышать.

– Господи, – шепчу я.

Что с этим мужчиной не так?! Что, черт возьми, мне делать?! Откуда он свалился на мою голову?

Голова пухнет от вопросов, ответы на которые я могу завтра с легкостью узнать, приехав к нему. Неужели это и есть реальность, о которой я ничего не знаю?

В груди давит, и я обхватываю голову руками, чтобы унять шум в ушах.

Я словно стою на перепутье, и мне надо шагнуть или вперед, или назад. Только я не могу сделать ни единого движения. Мне холодно. Мне страшно. Я хочу быть невидимкой в этом мире. Но... Чертово «но» никогда мне не помогает...

Двенадцатый шаг

Сквозь дремоту ощущаю, как на меня кто-то смотрит. Хотя глаза плотно закрыты, я уверена, что за мной наблюдают. Хмурюсь и переворачиваюсь на бок, чтобы прогнать от себя неприятное ощущение. Рядом раздаётся раздражённый вздох, а затем не самые приличные выражения.

– Боже, Сара, ты издеваешься? – Хныкая, накрываюсь одеялом с головой.

– Миша, черт! Я больше не могу ждать.

Подруга срывает с меня одеяло, но я ещё сильнее зажимаю глаза и накрываю голову подушкой.

– Вчера я из тебя ничего не вытянула. Ты только сказала, что сегодня. Уже половина одиннадцатого. Я полночи не спала, а сейчас взорвусь от интереса и ожидания.

Подруга трясёт меня. Приходится открыть глаза и сесть, оттолкнув её.

– Что ты хочешь? – обречённо вздыхаю.

– Что хочу? Хочу все с детальными подробностями! Он поцеловал тебя? Какой он? Теперь он тебе больше нравится? Люк в прошлом?

Я закатываю глаза и сползаю с постели.

– Сара, отвечаю один раз, больше повторяться не буду, и на этом забудем вчерашний вечер. Итак: нет; больной придурок; нет; нет. Удовлетворена? – сухо произношу я.

– Мда, что же он такое сделал, если твоё отношение к нему так поменялось? Ведь я помню вчера...

– Прекрати, – обрываю её. Чтобы занять себя чем-то и снять раздражение за недосып, начинаю собирать свои вещи по полу и пихать их в сумку.

– Оу, какие мы сегодня нервные. Ладно, молчу. – Подруга поднимает руки, но хитрый прищур зеленых глаз говорит о том, что этот разговор мы ещё не закончили.

За эту практически бессонную ночь я приняла решение – оставить все как есть. У меня есть парень, моя жизнь выстроена по часам, и я должна знать, где буду завтра. Глупостью было согласиться на этот ужин. Сейчас страшно понимать, насколько интересно узнать о нём больше. И чтобы не было соблазна написать, я удалила все сообщения Ника, запретила себе даже думать о нём.

Николас Холд – психически больной человек. Один из его диагнозов – филемафобия², если он не соврал насчёт его нелюбви к поцелуям, и тянется эта болезнь из детства. А мне своих расстройств психики достаточно, чтобы вникать в чужие. Нет, я не хочу проблемного мужчину.

Убеждаю себя, что это не должно меня касаться, пусть его расстройствами занимаются «знакомые» или Шанна. Да хоть кто, но не я. Никогда в жизни не испытывала такого страха, как вчера. Мне казалось, что можно умереть от переизбытка адреналина.

Когда мне все-таки удалось уснуть, мне снились его налитые кровью темные глаза, в которых горел костер. Они манили к себе, а затем сжигали снова и снова, причиняя боль. Я уже давно не видела таких реальных кошмаров, когда просыпаешься в поту и пытаешься снова уснуть, а ничего не выходит, потому что картинки возвращаются, не отпускают тебя.

Попрощавшись с подругой, я договариваюсь встретиться с Люком в парке «Джесси Кетчум» и сажусь в машину. Чувствую себя разбитой, эмоционально выжатой, как будто из меня выпили всю кровь. В голове то и дело появляются обрывки фраз, жесты, улыбка, мои ощущения. Все это пугает и страшит.

Мне необходима доза кофеина, и я быстро паркуюсь у ближайшего «Старбакса».

² Психологическое отклонение, когда человек боится поцелуев.

Необходимо сконцентрироваться на Люке.

– Привет, – улыбаясь, подхожу к нему.

– Привет. – Он в ответ тоже улыбается, и это помогает вернуть часть себя прежней. Ведь все как обычно – ночь сменил день, и я такая же, как раньше.

Замечаю, как Люку некомфортно сейчас. Он не знает, как продолжить общение, он смущен. Беру его за руку, и парень заметно расслабляется.

– Пройдемся? – предлагаю я.

Люк кивает.

– Как выходные? – спрашивает он.

– Нормально, была у Сары, – пожимаю я плечами.

– Я нашел место в одной компании, они берут меня на полставки, придется как-то совмещать работу, учебу и тренировки, сезон уже на носу, – делится Люк.

– Очень рада, дорогой. Ты достоин этого. – Я стараюсь ободрить и сжимаю его руку.

– Я хочу быть достойным тебя, – тихо отвечает он.

– Люк... – Я с укором смотрю на него. Он упрямо сжимает губы. – Я сказала так отцу, потому что не хочу, чтобы ты чувствовал себя не в своей тарелке. Там один пафос, и мне самой это не нравится, ты же знаешь. И ты не любишь подобные вещи.

– А он это любит? – неожиданно спрашивает Люк и останавливается.

– Кто? – недоуменно смотрю на него.

– Тот, кто забрал тебя. Тот, с которым ты обнималась, – уточняет он.

– Боже, Люк! – Возмущенная, я отдергиваю свою руку и опускаю в карман, где тут же нащупываю бумагу с адресом Ника.

– Просто если он тебе нравится и твой отец хочет... я пойму. – Люк смотрит мне за спину.

Хочу развеяться оттого, что позволила себе вчера пойти на этот ужин с Ником. Чувствую себя отъявленной лгуньей... снова. И это разрывает меня.

– Посмотри на меня, Люк, – требую я, и он подчиняется, но его голубые глаза полны тревоги и печали. – Ник мне не нравится, он больной человек, это я знаю точно. Не хочу больше возвращаться к этим разговорам.

– Прости, Миша, но у меня ощущение, что этот урод здесь... сейчас... с нами. Как будто следит за тобой...

– Хватит, – резко обрываю я, но все же быстро оглядываюсь и не замечаю подтверждения его слов. – Довольно, Люк. С каких пор ты стал таким параноиком? Что за фобии? За мной и раньше бегали парни, но ты не вел себя так. В чем проблема? – Я взмахиваю руками от негодования.

– Он другой, Миша. Совершенно другой. От него несет грязью и интересом, – говорит он и хмурится.

– Поцелуй меня, – грубо прошу и хватаю его за куртку, решительно глядя в удивленные глаза.

– Что?

– Поцелуй меня и обозначь свою территорию, раз тебе кажется, что Ник все видит. – С силой встряхиваю его.

– Я... Миша... – Люк начинает заикаться и отрывает от себя мои руки. – Не могу, – тихо говорит он.

– И что тебе мешает, черт возьми? То ты хочешь трахнуть меня, то требуешь большего, то еще что-то, а теперь не можешь всего лишь поцеловать?! Я что, прокаженная какая-то?! – зло шиплю.

– Твою мать! – Люк трет руками лицо и поворачивается ко мне. – Я не могу, потому что он трогал тебя! Не знаю почему, но, обдумав все, не могу. Ведь ты ничего не делала! Раньше

бурно реагировала на любое прикосновение, а тут ничего! Ничего! Он изменил тебя с той ночи, я не понимаю как, но изменил!

Люк кричит, а я стою посреди тропинки и моргаю, понимая, что он прав. Ник меняет не меня, он пытается сломать мою жизнь. И я пожинаю плоды, которыми он накормил меня.

Не хочу больше говорить. Мне просто нечего ответить, и я делаю шаг назад.

– Прости, – шепчу я, разворачиваюсь и срываюсь на бег.

– Миша! – кричит Люк, но я не останавливаюсь.

Слезы катятся по щекам. Я не понимаю, почему все получилось так неправильно. Что произошло с моим миром?

Торопливо забираюсь в машину и стираю тыльной стороной ладони слезы, чтобы видеть, куда еду. Не могу поехать домой, не хочу туда. Хочу побыть одна, разобраться в себе. Но ведь я все решила. Я порвала с Ником.

Мой телефон вибрирует в кармане пальто, но я не отвечаю, даже не смотрю на входящие, потому что предполагаю, что это Люк. Он начинает меня раздражать из-за своих слов. Он не имел права так говорить, высказывать мне. Никакого долбаного права! Это не моя вина, что так все вышло. Я лишь пешка в их руках, всего лишь фигура на доске, которую они двигают. Устала. Снова ощущаю в груди знакомую пустоту, которая родилась в шестнадцать, когда я поняла окончательно, какую роль мне отвели в этой жизни.

Товар, который выставляют на аукционе. Но я ведь живой человек. Играют с моей жизнью, словно я бездушная. И никто не хочет этого видеть, даже понять не желает, потому что все в моем мире изгажено. Это подтолкнуло меня к решению изменить круг общения и друзей, места, которые посещаю, и планы на будущее. Единственный человек, оставшийся рядом, – Сара. Мне осталось потерпеть только до окончания университета, а потом... Первый раз за всю жизнь задумываюсь уехать из страны, исчезнуть и больше не быть частью своей семьи. Я иная, разительно отличаюсь от них. Не нахожу радости в развлечениях богатых, это меня душит. Желая быть обычной, не держать себя под контролем. Хочу чувствовать, а не запираť душу под замком, потому что это не поможет мне выжить среди акул, готовых сожрать меня.

Все настолько запутанно, что я не знаю, как выбраться на поверхность из собственного болота. И это все из-за него, из-за Ника. Он так открыт в своих эмоциях, желаниях и разговорах, что меня это сбilo с толку. Все держат свою сущность за дверями, а он нет. Это манит к себе и соблазняет, обещает, что рядом с ним можно стать настоящей, а не искусственной фигурой.

Приказываю себе забыть о нем. Все уже в прошлом, эти глаза, эти встречи, эти смены его настроения – все осталось в воспоминаниях, и больше я к ним не должна возвращаться. Но глупо отрицать, что кто-то производил на меня такое впечатление, как Ник. И губительно признавать.

Останавливаюсь рядом с незнакомой кофейней и выхожу из машины. Мне нужен горячий кофе и сахар... много сахара, чтобы перебить желание получить иной десерт.

Но, сидя за круглым столиком, не могу сосредоточиться ни на чем. Мысли снова и снова возвращаются к Нику. Анализирую свое поведение и испытываю запоздалое раскаяние за свои слова и поступки, за любимую мной провокацию. Ведь я действительно вела себя с ним отнюдь не вежливо, а он притащил букет. Хотя... нет, я уверена, что такой жест симпатии для него не новый, как и для меня. Но отчего-то закрадывается подозрение, что он пересилил себя в чем-то, чтобы держать свою агрессию под контролем. И эта моя фраза: «Ты гей?» А все из-за этих глупых мыслей о причинах его преследования.

Аппетита нет, чтобы даже попробовать тирамису. Отставляю тарелку и беру в руки кружку.

Чем я могла его зацепить так, что он настаивает на сегодняшнем вечере? Почему именно мне дал свой адрес? Что во мне есть такого, чего нет в других? Ничего. У меня обычные карие

глаза. Не зеленые, не фиалковые, не синие. Всегда считала, что мой цвет глаз самый скучный. Да, слежу за собой, у меня подтянутое тело, упругая кожа и ухоженная внешность. Но это предполагает мой статус. Ничего нового. Значимого.

Почему я? Не верю в то, что действия Ника предполагают влюбленность, это смешно. Его интерес вызван обычной химией, которую тоже глупо отрицать. Но я так ничего о нем и не узнала, только сухие факты, которыми он нехотя поделился.

Не слежу за временем, пока сижу в кофейне, просто думаю и понимаю, что мне хочется пойти и услышать от него новую историю. Увидеть подтверждение того, что он реален, а не плод моей бурной фантазии. У него есть квартира, где он спит, ест и смотрит телевизор. Но я не могу себе этого позволить, что-то внутри не дает мне шагнуть навстречу к нему. Страх? Да, признаю, в тот момент в лифте я едва устояла на ногах. Но сейчас я не боюсь его. Только себя.

Жмурюсь и тру переносицу, чтобы хоть немного снять напряжение. Но это приносит только неудовлетворение и усталость.

Уже не гоню по дорогам, а спокойно еду в сторону дома. Не желаю ни с кем разговаривать. В голове больше нет мыслей, тишина. Захожу домой и стягиваю пальто, бросая его на пуфик.

– Мишель, добрый день, – встречает меня Лидия.

– Добрый, – безэмоционально отвечаю я.

– Мистер Пейн на работе, миссис Пейн уехала с подругой, Тейра собирается тоже уходить. Ты будешь дома? – уточняет домработница, убирая мое пальто в шкаф.

– Да, буду у себя.

Я плетусь на второй этаж. Ставлю сумку на пол и падаю на постель лицом вниз. Через несколько минут сбрасываю ботинки и кладу голову на подушку.

Меня поражает отвратительная мысль – я невольно сравниваю Люка и Ника. Один меняет свои планы, чтобы быть со мной, стремится ко мне и работает над своими страхами. Другой же... просто вписывает меня в свой распорядок дня. И я ненавижу себя за то, что позволяю Нику это делать.

– Мишель? – В мою спальню стучится Лидия, и я вздрагиваю, резко открывая глаза.

– Да, – сипло отвечаю, понимая, что задремала, а за окном уже ночь.

Домработница входит в комнату, я рывком сажусь на постели и поворачиваю к себе часы. 20:13. Мигают цифры, и мое сердце начинает стучать чаще.

– Ужин готов, я дала тебе возможность отдохнуть, но все же поесть следует, – ласково произносит Лидия.

Перевожу на нее стеклянный взгляд.

– Я...

Он ждет меня. Ждет ли?

– Да, спасибо, спущусь, только приведу себя в порядок.

– Хорошо, – кивает она и исчезает за дверью.

Падаю обратно на постель, глядя в потолок. Я уже не уверена в своем решении, но иначе не позволяю себе поступить. Я уверена, что, если не приду, Ник исчезнет из моей жизни, и от осознания этого становится неприятно. Не могу объяснить даже себе, что это за чувство, но мне некомфортно.

Спускаюсь на первый этаж и слышу голоса родителей, они в столовой. Захожу туда и сажусь на свое место.

– Мишель, рада видеть тебя дома, – улыбается мне мама.

– Привет! – Я наигранно весело беру в руки приборы. Лидия ставит передо мной тарелку с ужином и стакан с соком.

– Как вчера погуляли с Сарой? – интересуется отец.

– Хорошо. Спасибо, что не ругаешься. – В этот момент нос начинает пощипывать так, что глаза слезятся.

Я лгу, лгу так просто, что мне противно от самой себя. А ради чего? Кого? Ника? Или же ради спасения собственной жизни?

– Сессиль, оставь нас, – командует папа.

Мама бросает на него усталый взгляд, говорящий не быть со мной строгим, и удаляется.

Вожу вилкой по тарелке, меня не волнует даже то, что сейчас будет. Украдкой смотрю на часы позади папы.

20:35.

Начинаю дрожать. Боюсь, что Ник может приехать ко мне и устроить сцену, и тогда я возненавижу его еще сильнее, чем сейчас. Но ненавижу ли я его? Я не знаю ничего о чувствах, а точнее, не знала. Никогда не испытывала легкость, никогда не получала адреналина от общения с кем-либо, никогда мое дыхание не останавливалось, а сердце... не стучало в несколько раз быстрее, чем обычно. Хотя я знаю, что такое адреналин от страха. А вот иного никогда не видела.

Что со мной?

Хочется просто пореветь, как в глупых фильмах, и все станет отлично. Но я сижу в элегантной столовой и кручу в руках вилку, невидящим взором глядя на стейк с овощами.

– ...вот так и получилось, – улавливаю обрывок папиной фразы и, моргая, поворачиваюсь к нему.

Только сейчас замечаю, что уголки его губ опущены, глаза печальны, а на лбу глубокая складка. А я даже не слышала, о чем отец говорил.

– Прости, папа, – тихо произношу я, и он улыбается, хотя не понимает, за что извиняюсь.

– Ох, Мишель, я люблю тебя, принцесса моя. И хочу для тебя только лучшего, – тяжело вздыхает он.

– Я тебя тоже, – искренне отвечаю и откладываю вилку. В горле режет, я не могу сглотнуть, поэтому беру стакан и запиваю горький привкус реальности соком.

– Ладно, приятного аппетита, я отправляюсь спать. Завтра новый день, и уж не знаю, что он мне преподнесет. Доброй ночи. – Отец залпом допивает виски и ставит бокал на стол.

– Доброй, папочка, – ласково отвечаю, и он дарит мне еще одну улыбку, перед тем как оставить одну.

21:03.

Все еще сижу в столовой с остывшим ужином и смотрю на секундную стрелку на часах. Она так медленно ползет, что мне кажется, можно сойти с ума. А что делает сейчас Ник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.